

Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія.

(Продолженіе)¹⁾.

VI. «Кто поджогъ церковь и произвелъ такое ужасное опустошеніе? когда именно начался пожаръ?»—вотъ вопросы, занимавшіе всѣхъ къ Константинополѣ послѣ пожара св. Софіи и рѣшавшіеся различно. Впрочемъ, касательно нѣкоторыхъ обстоятельствъ, напр. виновниковъ пожара, разнообразныя толки сводились къ четыремъ пунктамъ.

1) По одному мнѣнію, поджогъ храмъ самъ Златоустъ съ своими епископами, клириками и діакониссами, въ то время, когда они оставались тамъ одни предъ его отъѣздомъ; сдѣлавъ онъ это изъ желанія помѣшати кому либо другому проповѣдывать въ этомъ мѣстѣ его славы, а также въ той надеждѣ, что огонь мало по малу могъ отсюда перейти въ дворецъ императора съ императрицею и произвести тамъ такія же опустошенія. Таково было мнѣніе епископовъ и придворныхъ—враговъ Златоуста. Чиновники, производившіе судебное разслѣдованіе, сначала на время допустили это мнѣніе, но потомъ, какъ увидимъ, отступили предъ самою громадностію обвиненія. Но епископы не отступили отъ него. Антиохъ, Акакій, Кирикъ, Северіанъ, словомъ всѣ *сикофанты*

¹⁾ Настоящее продолженіе статьи Амедея Тьерри помѣщено во второй юньской книгѣ «Revue des Deux mondes» текущаго года.

Іоанна (какъ называется ихъ исторія) отправили къ римскому епископу *Иннокентію* доносъ на *Златоуста*, какъ разрушителя своей церкви, и этотъ гнусный доносъ былъ приложенъ къ документамъ, собиравшимся въ Римѣ въ виду вселенскаго собора.

2) По другому мнѣнію, виновниками пожара были язычники и іудеи, которые забрались при общемъ смятеніи въ храмъ и, видя тамъ въ такомъ множествѣ христіанъ, возымѣли адское намѣреніе сжечь ихъ всѣхъ съ ихъ храмомъ. Это мнѣніе распространялось въ массѣ христіанъ—простолудиновъ, по оно имѣло мало вѣроятія и имъ даже не занимались въ открывшемся немедленно судебномъ разслѣдованіи. Въ самомъ дѣлѣ, смотря на близость разстоянія между великою куріей и храмомъ св. Софіи, представляется почти не вѣроятнымъ, чтобы язычники могли зажечь послѣдній, откуда огонь такъ легко могъ перейти въ курію и истребить ихъ собственный прекрасный храмъ съ почитаемыми идолами.

3) По третьему мнѣнію, преступленіе совершила народная партія *іоаннитовъ* изъ мѣценія, желая наказать городъ и императора за насилія надъ своимъ любимцемъ и не допустить кому-либо другому запятъ каедрѣ *Златоуста*. Это мнѣніе сдѣлалось самымъ вѣроятнымъ: оно послужило основаніемъ для судебныхъ разслѣдованій и осталось въ церковной исторіи болѣе принятымъ. Сверхъ того, это предположеніе было въ глазахъ судебного разслѣдованія очень важно: подозрѣніе, не обвиняя никого въ частности, обвиняло всѣхъ, и соучастниками преступления, которое могли совершить нѣсколько ослѣпленныхъ фанатиковъ, можно также было сдѣлать высокопоставленныхъ и уважаемыхъ лицъ; отсюда естественно можно было перейти къ идеѣ заговора,—и этимъ-то именно съ большою охотою занялось усердіе римскихъ чиновниковъ.

4) Было еще четвертое мнѣніе; оно было проводимо пламенными приверженцами Златоуста, почитателями его святости и генія. Оно говорило, что во время бури, колебавшей храмъ въ его основаніяхъ, видѣли, что своды храма разверзлись и на епископскій престолъ спустился огненный столпъ, обнялъ его и отсюда огненными спиралями распространился по всѣмъ частямъ храма. Это предположеніе, чудомъ и волею Божіею объяснявшее причину пожара, вращалось только въ кругу поклонниковъ Златоуста, но на судебномъ разслѣдованіи не упоминалось о немъ и самъ Златоустъ въ своихъ письмахъ не говоритъ ничего подобнаго; тѣмъ не менѣе на него намекаетъ Палладій въ своихъ діалогахъ, а хроника конца этого вѣка приводитъ его прямо, какъ фактъ уже несомнѣнный.

Таковы были предположенія о причинахъ пожара. О времени, когда онъ начался, говорили еще сбивчивѣе: одни утверждали, что это было тотчасъ почти послѣ выхода Златоуста изъ храма, чѣмъ подкрѣплялось мнѣніе его обвинителей; по другимъ пожаръ примѣтили гораздо позже—къ вечеру, а по инымъ—даже на другой день утромъ. Различныя мнѣнія сходились только въ одномъ,—что пламя обняло сначала архіепископскую кафедру, а потомъ, раздуваемое вѣтромъ, распространялось съ такою силою, что въ теченіи не болѣе грехъ часовъ храмъ, курія и частные дома были сожжены.

Подъ вліяніемъ такихъ-то разнообразныхъ толковъ началось судебное разслѣдованіе. Производившій дѣло, Студій—префектъ города, повинаясь внушенію двора, приказалъ арестовать двухъ епископовъ—Элизія и Киріака и нѣсколькихъ клириковъ, сопровождавшихъ Златоуста въ изгнаніе, не смѣя дотронуться до него самого. Изгнанникъ въ это время шелъ съ своею преторіанскою стражей, по большой дорогѣ изъ Халдона въ Пиклю-Бивинскую, гдѣ назначена была первая остановка, и находился уже очень далеко отъ морскаго берега,

когда былъ достигнутъ скачущимъ отрядомъ съ приказомъ объ арестѣ. При извѣстїи о пожарѣ св. Софіи Златоустъ и его спутники были сначала изумлены; но это изумленіе скоро перешло въ негодованіе, когда они узнали, что въ поджогѣ обвиняютъ ихъ самихъ и что уже отданъ префектомъ приказъ отправить ихъ въ константинопольскую темницу въ оковахъ, подобно преступникамъ. Приказъ объ арестѣ, какъ мы видѣли, не касался Златоуста; но онъ самъ хотѣлъ раздѣлить участь арестованныхъ. «Я никогда, говорилъ онъ съ одушевленіемъ, не отдѣлю себя отъ своихъ братій; если они виновны,—виновенъ и я, если они—орудія преступленія, то виновникомъ, или зачинщикомъ его долженъ быть я; необходимо, чтобы меня допросили, чтобы мои друзья и враги хорошо знали, поджигатель я или нѣтъ». Начальникъ отряда самъ ничего не могъ рѣшить сверхъ привезеннаго имъ приказа; онъ согласился только принять отъ архіепископа письменный протестъ противъ обвиненія, смыслъ коего былъ таковъ: «хотя въ другихъ случаяхъ вы отказывались выслушать меня касательно возводимыхъ на меня обвиненій; но теперь необходимо вамъ выслушать меня по дѣлу о пожарѣ моей церкви, потому что вы обвиняете въ немъ меня». Златоустъ, какъ видно, сразу отгадалъ, что такое обидное обвиненіе могло родиться только въ головѣ его враговъ—епископовъ и придворныхъ. Въ то время, когда онъ писалъ эти строки, на его спутниковъ были надѣваемы оковы, и воины повели ихъ назадъ къ халкидонской темницѣ, откуда они были переведены въ темницы константинопольскія и наконецъ выпущены подъ условіемъ—никогда не показываться болѣе въ столицѣ. Ихъ отъѣздъ наносилъ сильный ударъ Златоусту: теперь онъ оставался одинъ, совершенно одинъ; некому было открыть свое сердце, некому было пожалѣть его и позаботиться о немъ въ частыя минуты его нездоровья, такъ какъ ему не позволили взять съ собой

прислугу,—возлѣ него были только одни грубые воины, его стража. Что могло случиться съ нимъ во время трудной дороги подъ лѣтнимъ зноемъ, при слабости здоровья, подорваннаго притомъ усталостію и горемъ? Въ такой крайности его не оставилъ Богъ, его единственная помощь. Стража Златоуста, какъ мы говорили, состояла изъ преторіанцевъ, людей простыхъ и грубыхъ, но жалостливыхъ болѣе тѣхъ, чью волю они исполняли. Предшествующая сцена возмущала ихъ, и они почувствовали невольное состраданіе къ этому полуумирающему пастырю, котораго такъ любилъ народъ, чье имя не разъ доходило и до ихъ слуха. Видя его подъ бременемъ столькоихъ физическихъ и нравственныхъ страданій, они почли своимъ долгомъ заботиться о немъ и оказывать ему необходимыя услуги, хотя онъ отказывался отъ нихъ и кротко отвергалъ,—такъ напр., они старались доставать ему лучшую пищу и давать нѣсколько часовъ покоя при остановкахъ. Удушливый зной былъ причиной возобновленія у него сильныхъ страданій желудка, и онъ чувствовалъ приступы четырехдневной лихорадки, противъ которой онъ зналъ одно только средство—бани, а между тѣмъ, по данному приказу, его стража не могла останавливаться въ городахъ—единственномъ мѣстѣ, гдѣ можно было пайти термы,—и онъ принужденъ былъ, при наступающихъ кризисахъ, устраивать себѣ ванны изъ бочекъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ стражи Златоуста помогали ему съ трогательнымъ вниманіемъ; сначала они жалѣли его, потомъ стали любить,—и не разъ онъ одолженъ былъ имъ своею жизнью. Командующіе отрядами,—два константинопольскіе молодые офицера,—не только не препятствовали такому вниманію своихъ воиновъ, но и сами окружали изгнанника почтительными заботами; Анатолій и Феодоръ (такъ назывались они) по своему происхожденію и воспитанію принадлежали къ высшему обществу, и Златоустъ

часто съ похвалою упоминаеть о нихъ въ своихъ письмахъ. Благодаря ихъ снисходительности, изгнанникъ могъ, во время своей дороги, имѣть сообщенія съ приверженными къ нему пресвитерами, приносившими ему извѣстія, а также писать и получать письма, что было для него большою отрадою, такъ какъ совершенное отчужденіе отъ всего могло бы скоро окончательно разстроить его. Куда же вели его? Гдѣ было мѣсто его ссылки? Этого не знали ни онъ, ни его стража, которая въ Никеѣ должна была получить императорскій приказъ, опредѣлявшій судьбу изгнанника. Разнесшійся на пути слухъ указывалъ сначала мѣстомъ ссылки Понтійскую Скиѳію, самую отдаленную римскую провинцію около Кавказа, болѣе варварскую страну, чѣмъ римскую область; но потомъ слухъ перемѣнился, и стали говорить объ Арменіи, куда дѣйствительно и направлялся отрядъ, приближаясь къ Никеѣ. При послѣднемъ слухѣ, Златоустъ поспѣшилъ написать къ своей діакониссѣ—Олимпіадѣ, чтобы она, въ такомъ случаѣ, выпросила для него мѣстопребываніе въ Севастѣ—столицу Верхней Арменіи, важный городъ, имѣвшій сообщенія съ главными восточными городами и всѣ удобства къ жизни: «тебѣ легко испросить это, писалъ онъ ей, чрезъ приверженнаго намъ епископа Киріяка, а также евнуха Бризона, Неонія, котораго слушаются сильные, и особенно богатаго жителя Севаста—Аравія, котораго жена имѣетъ тѣсную съ тобою дружбу». Мы увидимъ послѣ, къ чему привели эти указанія; а теперь Златоустъ, сѣдаемый печалью и дрожащій отъ лихорадочнаго озноба, приближался послѣ десятидневнаго путешествія къ городу Никеѣ.

Въ то время, когда Златоуста вели къ Никеѣ, судебные слѣдователи въ Константинополѣ подвергали преслѣдованіямъ его друзей—епископовъ, пресвитеровъ и діаконівъ, которые одинъ за другимъ населяли городскія темницы; преслѣдова-

нію подвергались даже женщины. Оказалось, что, не смотря на такія строгости, префектъ Студій былъ заподозрѣнъ при дворѣ, можетъ быть, въ нѣкоторой умѣренности или снисходительности и скоро смѣненъ, а префектура города, хотя и неправильно, перешла въ руки человека болѣе угоднаго императрицѣ и дѣлавшаго дѣйствительно все, чтобы избѣгнуть подозрѣнія. Этотъ человекъ былъ нѣкто Опатъ, котораго современники изображаютъ намъ язычникомъ, но поклонникомъ не того грубаго народнаго язычества, обожавшаго каменныхъ и деревянныхъ идоловъ, а блестящаго и изящнаго политеизма софистовъ и высшаго слоя общества, которій назывался тогда эленизмомъ. Эта надменная и жестокая секта была самымъ непримиримымъ врагомъ христіанства, а ея аденты—самыми страшными судьями для христіанъ; они, вѣзало, поставили своимъ девизомъ изреченіе языческаго историка по поводу пожара въ Римѣ при Неронѣ, что «христіане, во всякомъ случаѣ, всегда виновны и всегда заслуживаютъ самыхъ жестокихъ наказаній». Съ такими-то воззрѣніями Опатъ сталъ продолжать уголовное дѣло о пожарѣ св. Софіи, начатое его предшественникомъ; ревностный язычникъ и придворный льстецъ, онъ сталъ самъ присутствовать на допросахъ въ форумѣ, окруженный орудіями пытки—раскаленными жаровнями, рѣшетками, козлами, лозами, орудіями для сокрушенія членовъ, съ толпою обвинителей, палачей и другихъ дѣйствующихъ лицъ. Кажется, что здѣсь были и клирики придворной партіи, въ случаѣ нужды подсказывавшіе судьямъ запутанные вопросы, сбивавшіе обвиняемыхъ, или толковавшіе въ пользу обвиненія слова вырываемыя у тѣхъ пыткой; трудно вѣрить этому, но рассказы современниковъ заставляютъ вѣрить. Студій началъ распросами, Опатъ началъ пытками: нужно же было, хотя силой, добиться признанія отъ людей дотошъ отрицавшихъ все, возводимое на нихъ.

Однимъ изъ первыхъ подведенъ былъ къ префекту молодой чтецъ храма св. Софїи, нѣкоторое время лично прислуживавшій Златоусту. Это былъ юноша кроткаго нрава, нѣжнаго сложенія, болѣе похожій на молодую дѣвицу, дѣвственная чистота коей читалась на его лицѣ; можно было подумать, что это не житель зсннаго міра,—такъ онъ казался чуждъ ему чистотою духа и слабостію тѣла. Судьѣ хотѣлось принудить его признать своего владыку—архіепископа Іоанна и его друзей виновниками въ пожарѣ храма; но Евтропій (такъ называли юношу) отвѣчалъ, что онъ не знаетъ ничего подобнаго. Для полученія отъ него нужныхъ показаній, префектъ приказалъ жестоко высѣчь его лозами; но инквизиторы напрасно ждали хотя одного желаннаго слова отъ этого ребенка, повторявшаго: «я не знаю ничего такого, о чемъ вы меня спрашивасте». Употребили крайнія мѣры,—ремни съ свинцовыми концами, потомъ желѣзные когти, раздиравшіе ему бока и сдиравшіе кожу со лба, наконецъ зажженные факелы, обжигавшіе ему истерзанные бока; но Евтропій молчалъ, и когда его отвязали отъ станковъ, то онъ уже былъ мертвъ. Нужно было похоронить его, потому что нельзя было отнести трупъ въ темницу; но подъ рукою не было духовенства изъ іоаннитовъ, которые всѣ были расѣяны или заточены клирики Акакія, присутствовавшіе при пыткѣ, сами должны были позаботиться о своей жертвѣ и похоронить ее ночью. Іоанниты рассказывали, что въ то время, когда несчастныя руки вали юнаго чтеца въ могилу, разверзлось небо и слышенъ былъ хоръ ангеловъ, привѣтствовавшихъ пришельца, лишеннаго молитвъ и послѣдняго цѣлованія своихъ братьевъ. Въ рукахъ тюремщиковъ находился также другой изъ клира Златоуста, поважнѣе Евтропія,—бывшій діаконъ Тигрій, ставшій теперь пресвитеромъ. Эта личность уже упоминалась въ первой части нашего очерка; мы кратко сообщимъ, чѣмъ онъ былъ

*

и что съ нимъ сдѣлалось. Варваръ по происхожденію и вѣроятно рожденный на берегахъ рѣки своего имени, Тигрій провелъ свое дѣтство въ рабствѣ и въ счастливую минуту былъ одолженъ своею свободою своему уму, хорошему поведенію и рѣдкой преданности своему господину; сдѣлавшись свободнымъ, онъ принялъ христіанство и духовное званіе, и былъ принятъ Златоустомъ въ его церковь. Это было для прежняго раба величайшею честью, и съ тѣхъ поръ его епископъ сталъ для него вторымъ господиномъ; онъ никого не видѣлъ кромѣ Златоуста, всякій другъ архіепископа дѣлался его другомъ, всякій противникъ—его личнымъ врагомъ. Находясь близъ человѣка впечатлительнаго и раздражаемаго легко, Тигрій не только не старался успокоивать, но напротивъ еще старался возбуждать его; его можно упрекать именно въ томъ, что онъ былъ недобрымъ совѣтникомъ господина, котораго обожалъ и за котораго готовъ былъ всегда пожертвовать жизнью. На него и прежде обращали вниманіе, а потому не могли забыть и теперь, когда послѣ пожара разслѣдованія направились противъ членовъ духовенства. Ожидать отъ такого человѣка даже справедливаго обвиненія своего владыки—было бы бессмысленно; самое желаніе подобное возбуждало въ немъ все негодованіе на допросчиковъ. Неизвѣстно, что онъ отвѣчалъ префекту, но только его подвергли самымъ постыднымъ наказаніямъ: его раздѣли и сѣкли свинцовыми ремнями до обнаженія мускуловъ, вытягивали члены и т. п., пока онъ не лишился чувствъ, послѣ чего бросили умирать въ тюрьму. Впрочемъ Тигрій не умеръ; когда его раны зажили и онъ могъ выносить ѣзду, его отправили въ Мессопотамію на берега той рѣки, гдѣ онъ жилъ счастливѣе рабомъ. Съ именемъ Тигрія въ числѣ пагубныхъ совѣтниковъ Златоуста, ускорившихъ своими насиліями его гибель, обыкновенно соединялось имя Серапіона. Торжествуя

щей партіи очень хотѣлось имѣть въ своихъ рукахъ прѣжняго діакона св. Софіи, ставнаго епископомъ гераклійскимъ во Фракии; но Серапѣонъ, хотя бытъ въ своей епархіи во время пожара и могъ засвидѣтельствовать это, слишкомъ хорошо зналъ своихъ враговъ и поспѣшивъ до начала разслѣдованія скрыться въ вѣрномъ мѣстѣ. Опъ сидѣлъ въ монастырѣ готскихъ монаховъ, называемыхъ Марсами, и былъ открытъ тогда, когда уже утихъ первый взрывъ ненависти. Раньше его убили бы, а теперь принялись мучить: между прочими казнями ему сорвали кожу со лба вмѣстѣ съ бровями и потомъ отправили въ Египетъ подъ надзоръ александрійскаго патріарха; безъ всякаго сомнѣнія, Серапѣонъ предпочелъ бы надзоръ императорскихъ тюремщиковъ.

Среди такихъ кровавыхъ сценъ совершилось избраніе преемника изгнанному архіепископу на престолѣ константинопольскій. Златоуста увели изъ столицы 20-го іюня, а 27-го уже назначили ему преемника. Ни дворъ, ни епископы, заправлявшіе тогда всѣмъ, не теряли времени: дворъ надѣялся, что народъ скорѣе забудетъ своего любимца, потерявъ всякую надежду на его возвращеніе; а епископы, съ своей стороны, были не прочь поставить такую преграду между собою и возможнымъ раскаяніемъ Августы. Впрочемъ назначеніе новаго архіепископа, хотя и поспѣшное, было дѣломъ не легкимъ. Императоръ не осмѣливался избрать того либо изъ приближенныхъ въ нему епископовъ—ни Акакія, ни Антиоха, ни Северіана, а тѣ сами не осмѣлились бы на это изъ боязни народнаго негодованія; въ такомъ затрудненіи всѣ рѣшились поручить дѣло императрицѣ, выборъ которон и палъ на человѣка, хотя тоже враждебнаго Златоусту, но менѣе другихъ компрометированнаго по своей трусости. Это былъ Арзакъ, бцаль Нектарія, прѣжняго префекта и потомъ архіепископа константинопольскаго, принадлежавшій къ высшему придворному

обществу и занимавшій долгое время въ духовенствѣ митрополіи мѣсто протоіерся; ему было въ это время не менѣе восьмидесяти лѣтъ, но самый этотъ возрастъ подавалъ честолюбивымъ соперникамъ надежду, что онъ займетъ архіепископскій престолъ только на короткое время. Не смотря на высокое положеніе въ свѣтѣ и богословское образованіе, объ этомъ человѣкѣ очень мало говорили до настоящаго времени. Онъ былъ безпеченъ и слабъ всегда, пока не былъ затронутъ чѣмъ либо; злые языки говорили объ этомъ пресмнникѣ геніальнаго и пылкаго Златоуста, что онъ похожъ на рыбу, а въ своемъ краснорѣчьи обнаруживалъ ревность лягушки. О немъ рассказывали анекдотъ, не дѣлавшій большой чести ему, какъ пресвитеру и епископу. Когда его братъ Нектарій, еще не прещенный, переходилъ волею Θεодосія В. съ константинопольской префектуры на епископскую кафедру столицы востока,—такое быстрое повышеніе, изумившее всѣхъ, не могло не возбудить ревности въ сердцѣ Арзака; онъ самъ, какъ будто желая подобнаго же счастья, поспѣшилъ поступить въ ряды клира. Нектарій сталъ горячо упрекать его: «я разгадываю тебя, съ горечью сказалъ онъ ему: ты похотствуешь къ супругѣ, данной мнѣ Богомъ въ лицѣ этой церкви, и думаешь наследовать мнѣ». Арзакъ оправдывался и говорилъ, что онъ не имѣлъ этой мысли. «Хорошо же, сказалъ Нектарій, если это такъ, отправляйся немедленно въ Тарсъ, епископство коего я тебѣ обѣщаю». Арзакъ отказался ѣхать туда, но ему стало стыдно, и онъ, схвативъ Евангеліе, поклялся на немъ предъ своимъ братомъ, что онъ никогда не приметъ епископства. Въ этой-то клятвѣ, какъ мы видимъ, онъ не устоялъ предъ обольщеніями Евдокіи. Будучи протоіерсеемъ, онъ былъ по отношенію къ Златоусту тайнымъ его врагомъ, постоянно стараясь чернить своего епископа; на соборѣ халкидонскомъ онъ также былъ въ числѣ доносчиковъ. Призванный импера-

горомъ, избранный мнимымъ соборомъ и посвященный епископами торжествующей партіи, Арзакъ былъ введенъ въ церковь апостоловъ, ставшею на время главною въ Константинополѣ, пока не отстроили вновь храма св. Софіи на развалинахъ прежняго.

Арзакъ уже сталъ епископомъ, когда префектъ Оптатъ далъ новый поворотъ процессу іоаннитовъ. Уставъ бороться съ упрямствомъ мужчынъ, онъ счелъ лучшимъ заняться женщинами, и первѣе всего обратилъ вниманіе на тѣхъ, которыя, служа церкви, могли знать тайны Златоуста или быть его послушными орудіями, т. е. на діакониссы. Первой предстала предъ его трибуналомъ Олимпіада, эта знаменитая матрона, извѣстная всему востоку своимъ происхожденіемъ, величіемъ души и огромнымъ богатствомъ, пожертвованнымъ ею на бѣдныхъ и церковь; извѣстно, что къ ней вмѣстѣ съ другими обращался Златоустъ предъ отъѣздомъ съ послѣдними распоряженіями. Прежде чѣмъ привести ее къ Оптату, прислужники провели ее, какъ бы для испытанія, среди орудій пытки, приготовляемыхъ палачами. Когда она пришла, префектъ грозно спросилъ ее, зачѣмъ она подошла храмъ св. Софіи. «Одной моею жизни, спокойно отвѣчала она, достаточно для опроверженія подобнаго обвиненія; я была когда-то богата и, какъ извѣстно, употребила свое богатство на построеніе и украшеніе храмовъ Божіихъ; такъ не поступаютъ ихъ поджигатели». — «Знаю я твою жизнь!» яростно закричалъ префектъ. «Если ты знаешь мою жизнь, съ достоинствомъ замѣтила она, то сойди съ своего судейскаго мѣста и сядь на скамью обвинителей; пусть другой будетъ нашимъ судьей». Устрашенный такимъ присутствіемъ духа и мужествомъ, префектъ перемѣнилъ тонъ и не сталъ говорить болѣе о пожарѣ, но, придавъ своему голосу лицемѣрно-жалобный оттѣнокъ, сказалъ: «мнѣ хочется дать добрый совѣтъ тебѣ и подобнымъ

тебѣ: всѣ вы безумствуете, устраниаясь отъ общенія съ новымъ епископомъ и неизбежно навлекая на себя гоненія и наказанія за то; повѣрьте мнѣ и исправьтесь, пока еще время». Какъ видно, предметъ обвиненія измѣнился: вмѣсто поджигательства заговорили о возмущеніи и расколѣ. Подобный маневръ не ускользнулъ отъ Олимпіады. «Оптать, сказала она ему, меня привели сюда съ другими людьми для объясненій по поводу преступленія, котораго я не совершала и въ которомъ никто не можетъ уличить меня, а потому несправедливо съ твоей стороны прерывать мое заличеніе и занимать меня другими жалобами, не имѣющими никакого отношенія къ этому дѣлу; если ты находишь меня виновною въ новомъ преступленіи, то позволь мнѣ, прежде отвѣта на обвиненіе, посоветоваться съ адвокатами,—въ такомъ случаѣ, принуждаемая, противъ справедливости и закона, имѣть общеніе съ тѣми лицами, я по крайней мѣрѣ буду знать, къ чему именно обязываютъ меня долгъ и совѣсть». Префектъ сталъ вступникъ и согласился на эту отсрочку, послѣ которой она скоро опять предстала предъ нимъ еще болѣе непреклонная; онъ осудилъ ее на значительную пеню и изгнаніе. Она соглашалась на все, чтобы только не имѣть общенія съ Арзакомъ; мѣстомъ ея ссылки былъ назначенъ сначала Кизикъ, потомъ Никомидія; но такъ какъ у ней были сильные друзья при дворѣ, то ея изгнаніемъ не торопились.

Второю была приведена къ префекту діаконисса Пентадія. Вдова консула Тимазія также встрѣтила здѣсь одни грубыя и жестокія оскорбленія. Письмо Златоуста, писанное къ ней уже позже, даетъ намъ понять, что она должна была вытерпѣть здѣсь, а также и то, съ какою яростію дворъ и его агенты преслѣдовали этихъ благородныхъ женщинъ, виновныхъ въ ненормальной преданности Златоусту и въ томъ, что онѣ своимъ богатствомъ и высокимъ положеніемъ прида-

вали еще большее значеніе всему этому дѣлу. Отыѣчая изъ своей ссылки на подробности ея исповѣданія, онъ писалъ ей: «возвеселись, ибо ты явилась побѣдительницею, сокрушивъ безстыдство свирѣлыхъ злѣрей и наложивъ печаль на ихъ кростныя уста. Истина, за которую ты сражалась и претерпѣвала мученія, настолько сильна, что одно слово ея сражаетъ синофантовъ, тогда какъ лодь, хотя бы облекалась въ искусные покровы, падаетъ и разсѣвается при матѣйшемъ дуновеніи, подобно паугинѣ... Какихъ козней не строили лебѣ; какихъ орудій пытки не выставили для устрашенія твоей души, столь сильной, благородной и вѣрной Богу? Ты во всемъ мірѣ знала только церковь и свою келью, а тебя водили на форумъ, изъ форума въ трибуналъ, изъ трибунала въ тюрьму. На тебя острились жала ложныхъ свидѣтелей и презрѣнной клеветы, а для устрашенія тебя совершали убійства предъ твоими глазами: видѣла ты потоки текущей крови, тѣла юношей, раздираемыхъ желѣзомъ, сжигаемыхъ огнемъ, многихъ почтенныхъ лицъ, покрываемыхъ язвами и преданныхъ мукамъ,—все было употреблено, чтобы устрашить тебя и заставить изъ боязни говорить противное тому, что ты видѣла. Но ты, подобно орлицѣ парящей къ небу, расторгла ихъ сѣти и устремилась въ ясныя и свободныя небеса добродѣтели. Они не только не успѣли запутать тебя своими сѣтями, но сами запутались въ нихъ, и самое обвиненіе въ поджигательствѣ, съ торжествомъ направленное противъ тебя этими презрѣнными и несчастными, послужило только къ побѣдѣ твоей надъ ихъ клеветою... Итакъ, размышляй о происшедшемъ, объ этихъ волнахъ, не могшихъ увлечь тебя и сдѣлать игрушкой моря, о всѣхъ этихъ буряхъ, не смуглившихъ тебя, среди коихъ твое судно спокойно бороздило яростное море, размышляй обо всемъ этомъ, но взгляни при этомъ и на близкое пристанище, гдѣ уготовляются тебѣ

вѣнцы». Послѣ Пентадія настала очередь Ампрукты и другихъ діакониссъ. Но исторія не упоминаетъ между обвиненными имени Сальвины: безъ сомнѣнія, самъ дворъ избавилъ отъ этого оскорбленія дочь мавританскаго короля, ставшую римлянкой чрезъ супружество съ родственникомъ Θεодосія В., а слѣдовательно и родственницей царствующаго императора. Множество и другихъ женщинъ, менѣе знаменитыхъ, страдало за это дѣло, которое онѣ считали дѣломъ Божиимъ; многія изъ нихъ были мучимы, а нѣкоторыя погибли въ пыткахъ. Новый архіепископъ, съ своей стороны, старался силою заставлять монастыри повиноваться себѣ; всѣ средства были употребляемы—угрозы, наказанія и даже голодъ. Такимъ путемъ добились согласія у многихъ монаховъ и монахинь; ибо что оставалось имъ дѣлать? Ихъ подчиненіе было для Арзака побѣдой, которую хвастливо торжествовала враждебная Златоусту партія. Въ Константинополѣ былъ основанъ Олимпіадою монастырь дѣвственницъ, которому посвятила она всѣ свои заботы; во время ея процесса бѣдныя, оставленныя ею, дѣвы уступили ласкательству или угрозамъ и признали новаго архіепископа;—Олимпіада болѣе не видала ихъ.

Въ Константинополѣ въ это время была пожилая уже дѣва, извѣстная и уважаемая всѣми; внемлящая изъ богатой и знатной никомидійской фамиліи, она называлась Никаретой, т. е. побѣдоносной добродѣтелью. Добродѣтелью Никареты была любовь. Обладательница большаго состоянія, она растратила его, слѣдуя словамъ Писанія, на милостыни, припопненія церквамъ и всякаго рода благотворенія; для большей дѣятельности она пришла въ Константинополь, это гнѣздо бѣдности; даже и роскоши; и сама сдѣлалась бѣдною для того, чтобы быть ближе къ бѣдности и лучше помогать ей. Вдохновляемая почти сверхчеловѣческою любовью, она на-

училась медицинѣ и приготовленію лекарствъ и устроила изъ своего жилища аптеку, изъ которой она падѣляла бѣдныхъ лекарствами, большею частію сама относя ихъ; скоро она сдѣлалась врачомъ всего константинопольскаго народа, говорившаго съ наивнымъ довѣріемъ: «лекарства Никареты всегда исцѣляютъ». Скромная роль благородной женщины не изгладилась у нея талантовъ ума и знанія; знавшій ее историкъ церкви сообщаетъ, что ея бесѣда отличалась важностію и возвышенностію божественной философіи. Нѣсколько разъ приглашали ее войти въ служеніе церкви и быть діакониссою, или начальницею какой либо женской конгрегациі, — она скромно отвергала даже настоянія Златоуста; любовь для самой любви, бѣдные и Богъ — вотъ было ея призваніе. Префектъ Опатъ имѣлъ безстыдство потребовать эту святую дѣву и принуждать ее отказаться отъ своего законнаго архіепископа; онъ имѣлъ еще большее безстыдство паказать ея упорство значительнымъ штрафомъ, что равнялось конфискованію хлѣба у бѣдныхъ. Разоренная Никарета счумѣла еще быть милостивою: она стала жить вмѣстѣ съ своими служанками, ѣла и одѣвалась подобно имъ, и изъ этихъ сбереженій находила средства всегда лечить бѣдныхъ и кормить умирающихъ съ голода. Ея благотворенія наконецъ показались слишкомъ возмутительными, и враги Златоуста постарались сослать ее въ Визанцію.

Всѣ эти событія происходили безъ вѣдома Златоуста. Отсутствіе живой связи съ своими друзьями, нечѣрность и неправильность сношеній съ ними были для него, можетъ быть, самымъ невыносимымъ зломъ изгнанія; во все время его путешествія онъ зналъ только по слухамъ о судьбѣ своей церкви, своей братіи и своей собственности, а когда они по письмамъ узнавали о случившихся событіяхъ, то эти событія уже совершились и неожиданно поражали его, подобно

громовымъ ударамъ. Для его духа подобное состояніе было смертельной мукой. Между Халкидономъ и Никеей до него дошелъ слухъ, что въ Константинополѣ заботятся объ избраніи ему преемника, и онъ послѣшилъ написать Олимпіадѣ, чтобы она всѣми мѣрами воспрепятствовала этому избранію, грозившему бѣдами въ настоящихъ обстоятельствахъ. «Если послѣдуетъ это избраніе, писалъ онъ ей, то произойдутъ двѣ вещи, печальныя для меня и гибельныя для церкви: прежде всего преемника мнѣ станутъ избирать люди, не имѣющіе на то права и извѣстныя церкви своими преслѣдованіями,—потомъ очевидно, что эти люди не намѣрены позаботиться о хорошемъ выборѣ; а при настоящемъ волненіи умовъ кто можетъ предвидѣть всѣ послѣдствія худаго выбора». Это письмо обнаруживаетъ намъ все безпокойство изгнанника, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ и то нравственное вліяніе, которое имѣла діаконисса Олимпіада на духовенство, народъ и даже при дворѣ. Но Златоустъ не зналъ, что положеніе дѣлъ уже измѣнилось. Позднее извѣстіе объ избраніи Арзака возбудило въ немъ сильное негодованіе, выраженное имъ въ письмѣ къ приверженному ему епископу синадскому—Киріаку. «Меня извѣстили, писалъ онъ, что на мое мѣсто избранъ императрицею этотъ дряхлый старикъ Арзакъ; я узналъ также о жестокостяхъ, причиненныхъ имъ нашимъ братьямъ, не хотѣвшимъ имѣть съ нимъ общенія, и о смерти многихъ изъ нихъ въ темницѣ за мое дѣло. Это вошь въ одеждѣ агнчей и прелюбодѣй подъ личиною епископа; ибо какъ жену, при жизни мужа совершающую прелюбодѣяніе съ другимъ человекомъ, называютъ прелюбодѣйцей, такъ и Арзакъ есть прелюбодѣй не по плоти но по духу, потому что при моей жизни онъ похитилъ у меня мою церковь». Въ письмѣ къ Олимпіадѣ, которой онъ повѣрялъ всѣ скорби, онъ убѣждаетъ ее не сокрушаться этимъ событіемъ, такъ какъ добрыя дѣла и доб-

рые люди часто подвергаются испытаніямъ, цѣль коихъ извѣстна одному только Богу: «Варавва не былъ ли предпочтенъ Іисусу? И народъ іудейскій, требуя освобожденія разбойника и вора, не пожелалъ ли распятія Виновника своего спасенія»? Въ другомъ письмѣ онъ писалъ ей: «не печалься до сердечнаго сокрушенія тѣмъ, что одна церковь обуреvasма яростными волнами, другая поколеблена бурей, иная цоразена невыносимыми язвами,—что одна приняла къ себѣ волка вмѣсто пастыря, другая перата вмѣсто кормчаго, иная палача вмѣсто врача; плачь и тужи объ этомъ, но только умѣренню, мужайся и не забывай, что нѣтъ ничего опаснѣе для души и гибельнѣе для спасенія, какъ отчаяніе». Въ сущности, его сердце было глубоко поражено, и каждое извѣстіе объ отпаденіи его приверженцевъ жгло его подобно раскаленному желѣзу; онъ издали увѣщавалъ ихъ и обѣщалъ небесныя вѣнцы, какъ мать Макавсеевъ своимъ дѣтямъ. Правда, онъ говорилъ своимъ діакониссамъ при прощаніи съ ними въ храмѣ св. Софіи: «принимайте моего преемника, какъ меня самаго, чтобы церковь не раздѣлялась»; но онъ прибавилъ: «если этотъ преемникъ вступитъ на престолъ безъ интригъ и по искреннему народному избранію». Онъ не говорилъ и никогда не могъ бы сказать: «принимайте, какъ меня самаго, моего врага, доносчика на меня, или одного изъ тѣхъ судей-предателей, которые осудили меня». Это значило бы, нѣкоторымъ образомъ, оправдывать свое осужденіе и сомнѣваться въ своемъ правомъ дѣлѣ, а въ глазахъ Златоуста, какъ и въ глазахъ cadaго истинно-вѣрующаго, его дѣло было дѣло Божіе.

VII. Златоустъ прибылъ въ Никею въ концѣ іюня и нашелъ здѣсь необходимое для себя отдохновеніе послѣ столькихъ безпокойствъ. Освѣжающая близость озера Асканіи успокоила мало по-малу пожиравшій его лихорадочный жаръ

а въ большомъ городѣ онъ нашелъ и всѣ медицинскія пособія, особенно необходимыя для него бани: «воздухъ Никеръ возстановилъ меня», писалъ онъ самъ. Но если здѣсь онъ поправился, то не нашелъ желанныхъ, не менѣе здоровья, писемъ отъ своихъ лучшихъ друзей—пресвитера Тигрія и особенно отъ Олимпіады, его духовной дочери и возлюбленной госпожи, какъ онъ называлъ ее, которой онъ повѣрялъ свои несчастія и благодаря которой мы можемъ знать не только поступки, но и самыя задушевные мысли изгнанника, отъ его отъѣзда изъ Константинополя до самой смерти. Отсутствіе писемъ безпокоило его, и онъ самъ не скрывалъ этого; онъ то обвинялъ своихъ друзей въ равнодушіи и жестокой небрежности, то представлялъ ихъ больными и разстроенными отъ его несчастій, но не смѣлъ подумать о печальной истинѣ. Особенно онъ желалъ извѣстій отъ Олимпіады. Мы еще часто будемъ говорить о дружбѣ Златоуста и Олимпіады;—и въ самомъ дѣлѣ трудно встрѣтить такую живую и трогательную привязанность между двумя существами, основанную только на духовныхъ узахъ. Это была одна душа въ двухъ тѣлахъ, или, лучше сказать, это были двѣ схожія души, подчиняющіяся одна другой. Душа Олимпіады отличалась нѣжностію и преданностію до излишества: сильная до героизма въ своихъ собственныхъ несчастіяхъ, она была слаба до малодушной трусости при бѣдствіяхъ того человѣка, который былъ для нея другомъ, отцомъ, руководителемъ и почти божествомъ. Энергическій духъ Златоуста поддерживалъ ее въ ея слабостяхъ, какъ нѣжное растеніе, нуждающееся въ подпорѣ, и управленіе этою преданною ему душою было для Златоуста одною изъ самыхъ любимыхъ и настоятельныхъ обязанностей. Мы увидимъ, что въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ своей ссылки онъ посвящаетъ часы отдохновенія на то, чтобы нѣжными убѣжде-

ніями, а иногда и строгими выговорами исцѣлять своего друга отъ избытка скорби, подрывавшейся жизнь и приводившей ее почти къ сомнѣнію въ Промыслѣ. Два послѣднія, и можетъ быть самыя лучшія, сочиненія свои онъ посвятилъ на развитіе той темы, что преслѣдованія, предметомъ коихъ онъ сдѣлался, составляютъ милость свыше, за которую его друзья, подобно ему, должны благословлять Бога; они написаны Златоустомъ въ башнѣ крѣпкаго замка и написаны для Олимпіады.

Если Златоустъ не получалъ изъ Константинополя желанныхъ для себя извѣстій, за то онъ получилъ одно, безъ котораго легко бы обошелся. Въ Пикей онъ и его свита нашли ожидаемый императорскій рескриптъ, въ которомъ мѣстомъ изгнанія назначался Кукузъ въ Малой Арменіи, а не Севастъ въ Великой Арменіи, какъ желалъ самъ изгнанный. Извѣстіе это сильно опечалило Златоуста. Кукузъ былъ малый бѣдный городокъ, не представлявшій удобствъ для жизни, заброшенный въ глубинѣ дикой Таврской долины, гдѣ перекрещиваются между собой горныя хребты Киликіи и Каппадокіи. Въ гражданской исторіи онъ и не упоминается, но въ исторіи церковной онъ извѣстенъ какъ мѣсто изгнанія и смерти константинопольскаго архіепископа Павла, жертвы аріанскаго гоненія при Констанціѣ,—что и должно было остановить на немъ выборъ Евдоксія. Подобное сопоставленіе, можетъ быть, или самое извѣстіе о такой темницѣ было для Златоуста громовымъ ударомъ, потому что онъ сильно рассчитывалъ, что по ходатайству друзей для него назначенъ будетъ мѣстомъ изгнанія Севастъ: итакъ, думалъ онъ, друзья его, столь вліятельныя и сильныя, такъ величавшіяся своею преданностію ему, ничего не сдѣлали для него; они не захотѣли протянуть своей руки для его спасенія; его считали уже мертвымъ и отталкивали его, какъ трупъ. Всѣ эти подозрѣнія представились ему, и онъ былъ почти въ безутѣш-

номъ состояніи не отъ собственной своей участи, но отъ возможнаго оставленія его любимыми существами; позже, когда онъ узнать истину, онъ самъ долженъ былъ сердиться на себя за свои подозрѣнія. А въ это время подозрѣваемые имъ въ равнодушіи друзья дѣлали все, для того чтобы просить у императора назначеніе Севасты мѣстомъ ссылки, и онъ готовъ былъ согласиться на ихъ просьбу, какъ въ дѣло вмѣшалась императрица и назначила именно Кукузь. Мищеніе Августы, какъ видно, не удовлетворилось торжествомъ, потому что подобное назначеніе было жестокимъ отягощеніемъ ссылки. Подъ вліяніемъ этихъ-то, не разсѣянныхъ еще ничѣмъ, подозрѣній Златоустъ писалъ, спустя нѣсколько недѣль, одной константинопольской матронѣ Теодорѣ: «продолжай стыдить говорящихъ о приверженности ко мнѣ тѣмъ, что я, имѣющій столько богатыхъ и сильныхъ друзей, не могъ добиться того, что даруется самымъ преступнымъ людямъ,—ссылки менѣ жестокой и менѣ отдаленной». Онъ не имѣлъ впрочемъ мужества и смѣлости писать такъ рѣзко къ Олимпіадѣ, изъ боязни оскорбить ее такимъ обвиненіемъ, которое бы она приняла на свой счетъ; письмо, отправленное имъ къ ней предъ отъѣздомъ изъ Никси, совершенно другаго тона, но и тутъ сквозить таже мысль, хотя въ чертахъ болѣе мягкихъ. «Не тревожься, писалъ онъ ей, тѣмъ, что мои друзья не могли выпросить желанной для меня резиденціи. Я согласенъ и на это, какъ на благодареніе. Можетъ быть, мои друзья и хотѣли услужить мнѣ, да не могли. Благодареніе Богу за все! всегда буду говорить я, что бы ни случилось». При этомъ, для ободренія Олимпіады, онъ сообщаетъ ей, очевидно въ лучшемъ свѣтѣ, подробности своего состоянія. «Тебѣ не слѣдуетъ, писалъ онъ, беспокоиться о моемъ путешествіи: мое тѣло, повидимому, окрѣпло и поздоровѣло, здѣшній климатъ благопріятенъ мнѣ, а мои возлюбленныя стараются

быть мнѣ полезными даже сверхъ моего желанія. Пишу тебѣ эти строки третьяго іюля, предъ выѣздомъ изъ Никеи; а ты пиши мнѣ почаще о своемъ здоровьи, чрезъ моего любезнаго Пергамія, которому я во всемъ довѣряю. Для меня не достаточно получать отъ тебя извѣстія только о состояніи твоего здоровья,—я желаю большаго, я хочу узнать отъ тебя, что твоя скорбь прошла; если ты сообщишь мнѣ такое пріятное извѣстіе, то я буду писать тебѣ чаще и побольше, въ надеждѣ достигнуть наиболѣе желаемаго мною—спокойствія твоей души*.

Во время пребыванія въ Никей Златоустъ позаботился также написать снодвижникамъ своего изгнанія—епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ, задержаннымъ, какъ мы видѣли, на дорогѣ указомъ префекта и отосланнымъ въ Халкидонъ по подозрѣнію въ соучастіи въ поджигательствѣ. Письмо это было просто и трогательно: онъ поздравлялъ ихъ съ мученіями въ темницахъ и оковахъ, уподобляющими ихъ апостоламъ, и убѣждалъ ихъ тѣмъ болѣе уповать на Бога, чѣмъ болѣе они будутъ подвергаться людскимъ неправдамъ и презрѣнію. «Я не сомнѣваюсь, прибавлялъ онъ, въ томъ, что ваши страданія доставятъ вамъ еще большую милость у Бога, который даруетъ вамъ силу переносить ихъ... Апостолы, обремененные оковами, всегда вспоминали въ своихъ темницахъ о своемъ призваніи, заботясь о всемъ мірѣ; такъ и вы должны заботиться о бѣдствіяхъ нашихъ церквей. Пользуйтесь всѣми удобными случаями для обнаруженія своей ревности и силы то сами, то чрезъ другихъ болѣе свободныхъ; пользуйтесь всѣмъ—своимъ поведеніемъ и словами—для умиротворенія яростной бури. Такая ревность принесетъ, безъ сомнѣнія, добрые плоды; если даже и не будетъ этого, то Богъ тѣмъ не менѣе вознаградитъ ваши намѣренія и усилія». Это письмо, въ которомъ Златоустъ поставилъ утѣшеніемъ,

людямъ обвиненнымъ въ преступленіи, попеченіе о бѣдствіяхъ церкви, раскрываетъ намъ вполне его душевное состояніе. Собственное утомленіе и изнеможеніе, самое неудовольствіе отъ изгнанія въ отдаленный городокъ имперіи, — все забывалось у него при первой мысли о наступившемъ долгѣ; разгоня тогда, какъ онъ совѣтовалъ Олимпіадѣ, скорбь омрачавшую его сердце, онъ приступалъ къ труду съ такою же энергіей и ясностію, какъ будто онъ былъ въ Константинополь и отправлялъ свои епископскія обязанности. Представившаяся ему въ настоящее время работа была ни болѣе, ни менѣе, какъ религіозное обращеніе Финикіи, которымъ онъ занялся пять лѣтъ тому назадъ, во время своего пастырскаго путешествія по Малой Азіи, навлекшаго на него ненависть многихъ и послужившаго началомъ его долгихъ несчастій. Во время своего путешествія по сирійскимъ областямъ онъ могъ замѣтить положеніе Финикіи въ религіозномъ отношеніи: Финикія оставалась почти языческою страной, не смотря на попытки христіанской проповѣди, предпринимавшіяся сосѣдними епископами и оказывавшіяся безуспѣшными то отъ неблагопріятнаго отношенія гражданскихъ чиновниковъ, то отъ упорства финикійцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ народъ занималъ слишкомъ видное мѣсто въ мѣтологической исторіи древняго міра, чтобы оставить ее безъ борьбы для новой религіи; всѣ эти причины, вмѣстѣ съ слабостію гражданской власти, почти парализировали дѣло христіанской проповѣди. Златоустъ въ 399 году постарался разшевелить административныя и религіозныя власти: видя безсиліе или слабость свѣтскаго духовенства, онъ обратился къ монахамъ и отправилъ ихъ въ эту страну. Языческіе храмы скоро были разрушены, жрецы бѣжали, и плодомъ этихъ побѣдъ было построеніе цѣсколькихъ церквей и монастырей; чиновники, страшась константинопольскаго архіепископа, хотя значеніе

его при дворѣ стало уже ослабѣвать въ то время, повиновались данному имъ толчку и вышли на нѣкоторое время изъ своего оцѣпененія. Но это продолжалось не долго: придворная онала Златоуста, его осужденіе на соборѣ, первое изгнаніе и отъявленная вражда къ нему императрицы и придворныхъ епископовъ нанесли ударъ его дѣлу, а второе изгнаніе его довершило этотъ ударъ; жрецы языческіе возвращались въ свои храмы, и имъ этого не запрещали, а въ силу реакціи, гдѣ большую роль играла ненависть къ Златоусту, церкви въ свою очередь были разрушены и монахи изгнаны изъ всей области. Вотъ что узналъ изгнанникъ во время своего пребыванія въ Никее отъ пресвитеровъ, пришедшихъ изъ Сиріи или Малой Азіи. Златоустъ былъ взволнованъ этимъ. Пользуясь кратковременнымъ отдыхомъ въ Никее, онъ задумалъ возвратиться снова къ прежнему своему предпріятію: онъ обращался ко всѣмъ встрѣчнымъ пресвитерамъ, стараясь одушевить ихъ духомъ своей ревности; писалъ даже къ одному изъ своихъ антиохійскихъ друзей—пресвитеру Констанцію, желая замѣнить имъ самого себя въ столицѣ Сиріи. Впрочемъ онъ не думалъ найти въ Констанціи дѣятельнаго миссіонера, начальнича и представителя пропаганды: другъ Златоуста не имѣлъ этихъ качествъ, хотя имѣлъ много другихъ и вѣрные Антиохіи видѣли въ немъ наследника престарѣлаго архіепископа Флавіана; ему Златоустъ хотѣлъ поручить направленіе всей работы, убѣждалъ его отыскивать между монахами работниковъ неутомимыхъ, обѣщая ему деньги и нужныя средства. Изгнанникъ давалъ всѣ эти обѣщанія, не имѣя самъ ни одного обота, находясь подъ стражей и наканунѣ своего дальняго пути,—и однако онъ сдержалъ свои обѣщанія: такъ его слово дѣйствовало на сердца и располагало богачей къ пожертвованіямъ. Онъ сдѣлалъ еще болѣе; предпріятію недоставало предводителя,—онъ искалъ и нашелъ его. Въ окрест-

*

постяхъ Никен жилъ одинъ пустынный, заключившійся въ пещерѣ; говорили, что онъ далъ вл�тву умереть въ уединеніи, вдали отъ людей и ихъ дѣятельности, съ которыми онъ разорвалъ всякія связи. Этого-то пустытника Златоустъ избралъ предводителемъ христіанской пропаганды въ Финикіи. «Сойди съ своихъ горъ, писалъ онъ ему, и оставь свою бесплодную жизнь, не приносящую пользы ни людямъ, ни Богу; возьми свой посохъ и ступай въ Антиохію къ пресвитеру Констанцію, поговори съ нимъ о разрушеніи финикійскихъ идоловъ,—онъ дастъ все нужное для твоего святаго похода». Пустынный колебался; Златоустъ написалъ ему грозное письмо,—и онъ отправился.

Между тѣмъ приближалось назначенное время, когда изгнанникъ долженъ былъ отправиться въ дальнѣйшій путь 5 или 6 іюля,—къ Кесаріи Каппадонійской; но предъ отъѣздомъ онъ отправилъ изъ Никен слѣдующее трогательное письмо къ Олимпіадѣ, съ цѣлью—успокоить ее насчетъ своего здоровья и душевнаго состоянія. «Съ умноженіемъ искушеній увеличиваются и наши утѣшенія, и въ будущемъ мы видимъ самыя свѣтлыя надежды; все теперь идетъ какъ бы по нашему желанію, и мы плывемъ съ попутнымъ вѣтромъ. Кто видѣлъ это? Скалы и подводные камни, вихри и шумные вѣтры, безлунныя ночи, густые туманы и пропасти..., а между тѣмъ, плывя на своемъ суднѣ среди всего этого, мы чувствуемъ себя не хуже стоящихъ въ тихой гавани. Размышляя обо всемъ этомъ, моя благочестивѣйшая госпожа, возмысья надъ этими смутами и волненіями, и увѣдомь меня о своемъ здоровьи. Что касается насъ,—мы чувствуемъ себя очень хорошо и даже веселы, такъ какъ тѣло укрѣпилось въ силахъ и воздухъ, которымъ мы дышимъ, очень чистъ... Одного недостаетъ намъ,—вѣрнаго извѣстія о твоёмъ благоденствіи; обрадуй меня этимъ. Если ты думаешь писать намъ, то

пиши на имя нѣжнѣйшаго нашего сына Пергамія, такъ какъ это нашъ вѣрный другъ, искренно привязанный намъ и болѣе чѣмъ кто либо почитающій твои добродѣтели и благочестіе. Дорога между Никесей и Кукузомъ до Кесаріи, второго остановочнаго мѣста путешествія, проходила чрезъ Фригію и часть Каппадокіи. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Никей, она шла вверхъ по рѣкѣ Сангару и вмѣстѣ съ нею вѣзывалась въ двѣ фригійскія области, называемыя Галатіями; страна около рѣки была обитаема, хотя и бѣдна, но когда углублялись внутрь, то встрѣчали однѣ безконечныя равнины черной, смолистой земли, похожей на пепель и представлявшей только сухія, безплодныя поля; путнику изрѣдка попадались жилища и безчисленныя стада барановъ съ жесткой и короткой шерстью, управляемыя нѣсколькими пастухами. Такъ какъ стражъ было предписано избѣгать городовъ, то она останавливалась только въ деревняхъ, гдѣ можно было найти одинъ жесткій, запесчаный хлѣбъ, который нужно было размачивать въ водѣ, а самая вода изъ глубокихъ колодезѣвъ была соленая, вызывающая тошноту и болѣе способная возбуждать жажду, чѣмъ утолять ее. Впрочемъ старались всеми мѣрами устраивать для Златоуста бани, въ которыхъ онъ такъ пуждался. Страданія его во время этой дороги были сильныя: лихорадка не оставляла его, надъ головой было жгучее солнце, подъ ногами горячая пыль, и нигдѣ—ни вѣтерка, ни дерева, подъ тѣнью котораго можно бы было отдохнуть. Этого еще было мало. Пока Златоустъ проходилъ по пессинутской епархіи, епископъ коей Димитрій былъ его другомъ, отправившимся въ Италію для защиты его дѣла, грубыя и непривѣтливыя массы народа не обнаруживали къ нему никакой неприязни. Не то было въ Верхней Галатіи, въ епархіи авкирской. Епископъ этого мѣста Леонтій былъ самымъ ожесточеннымъ врагомъ Златоуста и ораторомъ, осо-

беспо защищавшимъ на послѣднемъ соборѣ дѣйствительность антїохійскихъ каноновъ; онъ остался побѣдителемъ, но побѣда не успокоила его. Проходя деревни его снархїи, Златоустъ подвергся, какъ кажется, величайшимъ опасностямъ. Что происходило тамъ и о какихъ познихъ говоритъ исторїя,—угрожали ли Златоусту насилїями и смертью массы народа, возбужденнаго Леонтіемъ,—участвовалъ ли въ этомъ лично самъ Леонтїй,—мы не знаемъ. Одно только слово Златоуста можетъ дать намъ понять, что опасность была большая: «избавившись отъ Галатїи», писалъ онъ Олимпїадѣ, онъ могъ привѣтствовать въ Каппадокіи страну спасенїя.

Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, его ожидало совершенно другое. Его встрѣчали не разъяренныя толпы съ угрозой на устахъ, а почтительныя и преданныя массы народа, которыя выжидали его на пути, или выбѣгали ему на встрѣчу: здѣсь были мужчины и женщины всѣхъ сословїй,—монахи, дѣвы и пустынники; всѣ они оплакивали то состоянїе, въ которое онъ былъ приведенъ. Въ городахъ, деревняхъ и на дорогѣ они собирались толпами, говоря другъ другу: «лучше бы затмилось солнце, чѣмъ замолкли эти золотыя уста». Златоустъ пытался утѣшать ихъ; но когда онъ говорилъ имъ: «не плачьте обо мнѣ», слезы еще болѣе лились у нихъ, и самъ онъ не могъ не плакать съ ними. Одинъ случай особенно поразилъ его и навелъ на глубокїя размышленїя. Когда онъ приближался къ Кесарїи, приближавшіеся къ его послышамъ стали говорить ему: «епископъ Фаретрїй ждетъ тебя; онъ уже вышелъ на дорогу, чтобъ не пропустить тебя, такъ какъ онъ сильно желаетъ видѣть и обнять тебя,—онъ собралъ даже монаховъ—привѣтствовать твой входъ». Это извѣстїе не могло не обезпокоить Златоуста. Фаретрїй, архїепископъ кесарїйскїй, былъ тотъ самый епископъ, о которомъ мы говорили во время константинопольскаго собора, что онъ, не осмѣливаясь явиться

лично и открыто осудить Златоуста изъ страха народа, объявить двору о своемъ согласіи напередъ подписать всякое постановленіе противъ послѣдняго. Злой не менѣе Леонтія, Фаретрій былъ лицомъриѣе и трусливѣе его и способенъ на всякое преступленіе, лишь бы можно было совершить его тайно и безопасно: первый обладалъ смѣлостью разбойника, а второй—трусостью отравителя. Вѣсть о томъ, что Златоуста будутъ вести въ Кукузь чрезъ Кесарію, сильно беспокоила его и привела въ недоумѣніе: если онъ встрѣтитъ его худо, то разойдется съ своимъ клиромъ, состоящимъ почти изъ іоаннитовъ, и изобличитъ притворство сожалѣнія, какое онъ выказывалъ при извѣстіи о его изгнаніи; если же онъ обойдется съ нимъ хорошо, то ему угрожаетъ метительность императрицы и лишеніе награды за свои услуги. Итакъ онъ лавировалъ, выжидая—не выведетъ ли его изъ затрудненія какой либо случай и не отдѣлается ли онъ какъ нибудь отъ такого неудобнаго гостя. Поэтому онъ не выходилъ на встрѣчу, хотя приказалъ объявить о томъ, и не предлагалъ Златоусту остановиться въ своемъ епископскомъ дворцѣ. Понимая, что означаетъ такое поведеніе, Златоустъ принялъ отведенное ему помѣщеніе въ оконечности Кесаріи: многочисленное общество изъ знатнѣйшихъ жителей города, чиновниковъ, купцовъ, ученыхъ и монаховъ сопровождало его туда; въ числѣ ихъ было почти все духовенство мѣстное, кромѣ епископа. Златоустъ, усталый до изнеможенія, мучимый лихорадкой, нуждался только въ отдыхѣ и врачахъ; по требованію его, изъ окружающаго общества явились къ нему два врача и окружили его самыми внимательными попеченіями, обнаруживая полную къ нему преданность, а одинъ хотѣлъ даже сопровождать его до Кукуза. Эти честные люди назывались Гимнетій и Θεодоръ; «ихъ привѣтливость, замѣчаетъ Златоустъ, столько же принесла ему пользы, сколько и ихъ лѣкарства».

Здѣсь онъ могъ немного отдохнуть, и любопытно видѣть, съ какою дѣтскою радостію онъ сравниваетъ въ своихъ дружескихъ письмахъ испытанныя имъ на пути страданія съ настоящимъ спокойствіемъ. «Нѣтъ,—воскликаетъ онъ въ письмѣ къ Теодорѣ, съ которой онъ менѣе остороженъ, чѣмъ съ Олимпіадой,—нѣтъ, плѣшпика въ своихъ темницахъ и злодѣи въ рудникахъ не терпятъ того, что вытерпѣлъ я во время этого пути и что терплю еще по временамъ: мучимый постоянной лихорадкой, вынужденный путешествовать день и ночь, поочередно утомляемый знѣмъ и потребностію сна, я не имѣлъ никого, кто бы помогъ мнѣ въ разнаго рода лишеніяхъ. Наконецъ, я—въ Кесаріи, подобно мореплавателю въ гавани послѣ бури; но тишина этой гавани не можетъ изгладить всего перенесеннаго зла,—такъ изнурили меня предшествующіе дни. Въ Кесаріи я нѣсколько оживаю: пью спосную воду, ѣмъ хлѣбъ не черствый и заплеснѣлый, имѣю бани и могу спать въ постели. Многое еще могъ бы я сказать, но довольно и этого, чтобы не слишкомъ разстраивать васъ»...

Въ Кесаріи Златоустъ получилъ письма и извѣстія, но они мало сообщили ему новаго; посѣщеніе одного друга, прибывшаго изъ столицы, сообщило ему болѣе, но все же онъ грустилъ, не видя писемъ ни отъ епископа Киріака, ни отъ Тигрія, ни даже отъ Олимпіады. Принесенныя посѣтителемъ свѣдѣнія были довольно стары и умалчивали о томъ, что именно хотѣлось ему знать: что случилось съ его друзьями, отъ конхъ онъ ждалъ многого и которые между тѣмъ молчали. Два дня спустя, онъ написалъ Олимпіадѣ укорительное—слегка письмо. «Вотъ ужъ сколько писемъ писалъ я тебѣ о себѣ, говорилось въ немъ, а письма отъ тебя самой—большая рѣдкость. Развѣ трудно найти, чрезъ кого передать? Не думаю, потому что два дня назадъ приходилъ ко мнѣ братъ благочестиваго епископа Максима и на мои вопросы о пись-

махъ отвѣчать, что не имѣеть ихъ ни отъ тебя, ни отъ пресвитера Тигрія, ни отъ епископа Киріака и другихъ халкидонскихъ пѣнниговъ. Если ты что знаешь объ ихъ участи, то сообщи мнѣ. Что касается меня, то мнѣ хорошо, и я наслаждаюсь миромъ и спокойствіемъ... Не смущай моихъ друзей тѣмъ, что они не могли добиться перемѣны мѣста моей ссылки. Я сожалеаю, что они дѣлали все и не успѣли, допускаю, что имъ нельзя было посѣтить меня; но неужели я долженъ допустить и то, что имъ нельзя было писать ко мнѣ?.. Передай мою благодарность почтеннѣйшимъ господамъ, сестрамъ достойнѣйшаго епископа Пергамія—за ихъ неутомимыя старанія въ мою пользу: имъ одолженъ я прекраснымъ расположеніемъ къ себѣ зятя этого епископа—военнаго начальника провинціи, который, не смотря на свой высокій санъ, былъ любезенъ настолько, что захотѣлъ посѣтить меня». Изъ самаго письма можно замѣтить, что душа Златоуста далеко не была такъ спокойна, какъ хотѣлъ онъ убѣдить свою благочестивую и любезную дочь. Незабѣтность о томъ, что именно хотѣлъ онъ знать, возбуждала его противъ своихъ друзей, и онъ считалъ себя отверженнымъ и забытымъ ими, тогда какъ эти друзья сами страдали за него; но за то при первомъ письмѣ, при первомъ знакѣ расположенія отъ нихъ—подозрѣнія исчезали и уступали мѣсто дружественной радости. Таково было состояніе этой души, волновавшейся и уповавшей до конца своей ссылки. Въ Кукузѣ наконецъ ему суждено было найти, вмѣстѣ съ вѣрнѣйшими и подробнѣйшими извѣстіями о лицахъ и событіяхъ, множество писемъ, вознаградившихъ его вполне за лишнія во время дороги.

Отдыхъ, здоровый воздухъ и хорошій пріемъ жителей Кесаріи быстро улучшали здоровье Златоуста, а заботы Гимнетія и Теодора окончательно возстановили его: «это, писалъ

онъ, ученѣйшіе врачи и преданныя сердца». Извѣстіе о томъ, что онъ ссылается въ Кукузъ, распространилось до Арменіи, и одинъ богатый туземецъ Діоскоръ, владѣвшій въ этомъ городѣ домомъ, предложилъ его къ услугамъ Златоуста и выслалъ къ нему на встрѣчу своего управителя до самой Кесаріи. Между тѣмъ приливъ посѣтителей къ изгнаннику не прекращался: главные чиновники города считали своимъ долгомъ бывать у него, а духовенство образовало около него цѣлый дворъ, гдѣ недоставало только епископа. До Златоуста стали доходить слухи, что негостепріимный собратъ его становился болѣе и болѣе сердитымъ и нерасположеннымъ къ нему съ теченіемъ времени: все не правилось ему въ поведеніи изгнанника, особенно оказываемое ему уваженіе со стороны высокопоставленныхъ лицъ и преданность собственнаго духовенства, которая казалась ему укоромъ ему самому. Ему представлялось, что дворъ, особенно императрица заподозритъ его самого во всемъ этомъ, и эта мысль заставляла его трепетать; страхъ, какъ видно, дѣлалъ Фаретрія жестокимъ, когда не дѣлалъ трусливымъ. Съ нетерпѣніемъ считалъ онъ проходившіе дни, и наконецъ съ радостію узналъ, что отъѣздъ послѣдуетъ скоро и что стража занимается приготовленіями къ нему. Златоустъ сдѣлалъ большую часть своего пути, такъ что ему оставалось пройти до Кукуза только сто двадцать восемь миль; но этотъ остальной путь былъ самый опасный. Дорога, проходившая въ долинахъ Тавра, представляла слабому путнику трудности и неудобства несравненно большія прежнихъ; кромѣ того говорили, что въ это время появились на ней шайки исаврянъ. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, побудило кесарійскаго епископа только ускорять отъѣздъ. Наконецъ все уже было готово къ отъѣзду, какъ разнесся слухъ, что шайка исаврянъ появилась предъ городомъ, грабила, захватывала плѣнныхъ и даже сожгла одну

богатую деревню въ окрестности города. Въ Кесаріи все взволновалось и бросилось къ оружію.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ сказать, кто такіе были исавряне, о которыхъ намъ нерѣдко придется упоминать. Надъ лабиринтомъ тѣхъ горныхъ цѣпей, перекрещиваніе коихъ образуетъ отдѣльныя провинціи—Киликію, Арменію и Кападокію, возвышается Исаврія, и ея снѣжныя вершины далеко господствуютъ надъ хребтами Тавра и Анти-Тавра, подобно стѣнамъ обширной цитадели. Въ этомъ-то мѣстѣ, защищенномъ страшными пропастями и продолжительною стужей, казалось, самою природою опредѣлено было обитать разбойничьему племени исаврянъ, являющемуся съ такимъ характеромъ съ самаго начала исторіи. Въ эпоху фригійскаго и персидскаго владычества, а также при наслѣдникахъ Александра В., исавряне были ужасомъ Малой Азіи: они то, въ союзѣ съ киликійцами, являлись пиратами на моряхъ Киликіи и Греціи, то производили съ своихъ горъ опустошенія на сушѣ до городовъ на берегахъ Понта Евксинскаго. Въ концѣ римской республики Сервій разбилъ ихъ и за это торжество былъ названъ исаврійскимъ, а Помпей поразилъ ихъ на морѣ; имперія сдерживала ихъ, но не укротила, и всякій разъ, когда на востокѣ возстаніе области или регіоновъ возмущало общественное спокойствіе, Исаврія къ гражданской войнѣ добавляла бичъ своихъ разбойничьихъ опустошеній. Пробѣ вздумалъ употребить для обузданія этихъ хищныхъ племенъ средство, употреблявшееся еще недавно новѣйшею политикою: овладѣвъ горными входами, онъ вывезъ оттуда мужчинъ, которыми населилъ пустыни около Кавказа, оставилъ женщинъ и отвелъ здѣсь колоніи для регіоновъ. Но онъ не достигъ цѣли: по врожденнымъ инстинктамъ и вліянію климата, дѣти отъ римскихъ ветерановъ и исаврійскихъ женщинъ становились тѣми же исаврянами, столь же независимыми, та-

кими же страшными разбойниками. Тогда принялись блокировать эту страну, окружая ее крѣпостями и увеличивая военную силу окрестныхъ городовъ; въ описываемое нами время въ этихъ крѣпостяхъ было около трехъ тысячъ пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ кавалеріи. Этихъ силъ было достаточно при Θεодосіѣ В.; но слабость его сыновей, нашествіе гунновъ, постоянныя волненія отъ религіозныхъ споровъ ободрили всегда готовыхъ разбойниковъ, и они стали производить набѣги отъ Киликіи до Сиріи. Появленіе ихъ въ одномъ мѣстѣ производило ужасъ во всѣхъ другихъ; всю дорогу отъ Нисеи Златоустъ постоянно слышалъ объ исаврацахъ, но онъ надѣялся избѣжать ихъ и достигнуть Кукуза, прежде чѣмъ ихъ шайки, направляшіяся дотолѣ къ западу и югу, переимѣнятъ направленіе своихъ набѣговъ.

При крикахъ «къ оружію! вотъ исаврацы!», всѣ жители Кесаріи, молодые и старые, посѣвши въ укрѣпленіяхъ: гарнизонъ съ трибуномъ сдѣлалъ вылазку и до заката солнца очистилъ окрестности, прогнавъ хищниковъ въ горы. Но городъ былъ въ смятеніи цѣлый день: посѣшно занимались оборонительными работами, не сомнѣваясь, что хищники были только авангардомъ значительнаго отряда. Съ своей стороны стража Златоуста кончала свои приготовленія и готовилась идти; но съ одной стороны его посѣтила опять лихорадка, съ другой обстоятельства были мало благопріятны для пути, — и отъѣздъ былъ отложенъ на нѣсколько дней. Ночь прошла спокойно, но на разсвѣтѣ другаго дня въ части города, гдѣ жилъ изгнанникъ, предъ самымъ его домомъ послышался ужасный шумъ: толпа въ нѣсколько сотъ монаховъ, вооруженныхъ посохами и камнями, хотѣла выломать двери, выбросить его съ стражей и принудить немедленно оставить Кесарію. Толпа эта испускала свирѣпые крики и угрожала зажечь домъ, если они не уйдутъ сейчасъ же; стража стойко защищала домъ, но монахи кричали, что они не боятся ея,

и грозно потрясали своими посохами. Напрасно начальники стражи пытались было говорить съ этими безумцами и объяснить имъ, что изгнанникъ болель въ настоящее время и едва держится на ногахъ, что притомъ ихъ дорога занята исаврянами; монахи не слушали ихъ и продолжали кричать во все горло «пустъ онъ идетъ». Извѣщенный объ этомъ, префектъ города-Картерій явился съ нѣкоторыми значительными людьми къ дому Златоуста и хотѣлъ тоже вразумить монаховъ; но тѣ не слушали и его. Убѣждаясь изъ всего происходящаго, что главный виновникъ этого возмущенія—епископъ кесарійскій, а монахи дѣйствуютъ только по его наущенію, префектъ объявилъ имъ, что онъ пойдетъ къ епископу и убѣдитъ его въ томъ, что нельзя подобнымъ образомъ поступать съ гостемъ всего города и посылать на вѣрную смерть слабого, истощеннаго старца. Онъ надѣялся убѣдить Фаретріа, по крайней мѣрѣ, въ необходимости двухдневной отсрочки; но изъ окружающихъ Златоуста никто не имѣлъ этой надежды. Впрочемъ, вслѣдствіе внимательства префекта, устроилось нѣчто въ родѣ перемирія, и монахи воротились въ свой монастырь. Вечеромъ Златоустъ послалъ просить къ себѣ для совѣта и утѣшенія тѣхъ изъ духовенства, которые чаще бывали у него и казались наиболѣе расположенными къ нему; но никто изъ нихъ не являлся,—такимъ страхомъ были они объаты. На другой день повторилась таже сцена еще съ большими угрозами; монахи наговорили себѣ приверженцевъ и готовы были на все. Начальники стражи сказали тогда Златоусту: «насъ слишкомъ мало противъ этой разъяренной толпы, и мы только постыдно погибнемъ; лучше идти на встрѣчу исаврянамъ, чѣмъ быть во власти этихъ людей, а потому мы просимъ тебя, святѣйшій отецъ, отправимся немедля въ дорогу». Златоустъ велѣлъ готовить лошака подъ свои носилки, и они отправились. Былъ

полдень. Смущенная и негодующая масса народа, съ проблѣ-
тіями на своего епископа, покрывала улицы, которыми они
шли; за воротами Златоустъ замѣтилъ многихъ изъ духовен-
ства, которые стояли тамъ, какъ бы украдкой, желая про-
ститься съ нимъ, и видѣлъ, какъ они плакали. Одинъ изъ
нихъ, приблизившись къ нему, сказалъ: «уходи скорѣе, ибо
жизни твоей грозитъ опасность; если то нужно,—отдайся въ
руки исаврянамъ, лишь бы избѣжать отъ насъ, такъ какъ
ничто не можетъ быть хуже для тебя готовящагося здѣсь».
Во время этихъ словъ одна кесарійская госпожа—Селевкія,
которую Златоустъ видѣлъ не однократно, просила изгна-
ника остановиться въ ея виллѣ, лежавшей въ пяти миляхъ
и притомъ близъ дороги: «тамъ можно, говорила она, удобно
провести ночь; исавриане довольно далеко отсюда, о нихъ пе-
рестали говорить, а монахи не осмѣлятся проникнуть туда».
Златоустъ, мучимый лихорадкой, согласился; сопровождавшіе
госпожу слуги должны были проводить стражу въ виллу, а
Селевкія возвратилась въ Кесарію.

Вилла Селевкіи представляла обширную деревню, состо-
явшую изъ загороднаго дома и помѣщеній для колоновъ и
фермеровъ, расположенныхъ возлѣ крѣпкаго замка, который
служилъ жилищемъ для владѣльца и вмѣстѣ прибѣжищемъ
для всѣхъ въ минуты опасности. Управляющій предложилъ
Златоусту помѣститься въ замкѣ, но тотъ отказался, считая
себя въ совершенной безопасности въ загородномъ домѣ, по
словамъ самой Селевкіи. Между тѣмъ прибыла сама Селев-
кія и, противъ прежней своей увѣренности въ безопасности,
посоветовала управляющему вооружить слугителей и коло-
новъ на случай ночнаго нападенія монаховъ, что тотъ и сдѣ-
лалъ, не говоря ничего Златоусту. Случилось же вотъ что.
Едва Селевкія, пригласивъ на свою виллу Златоуста, воро-
тилась въ Кесарію, какъ извѣщенный обо всемъ Фаретрій

потребовалъ ее къ себѣ и, послѣ многихъ упрековъ, съ угрозами настаивалъ на изгнаніи принятаго ею гостя; Селевкія воспротивилась подобному приказанію, съ негодованіемъ вышла и поспѣшила на виллу—принять нужныя мѣры. Но епископъ вторично потребовалъ ее, и она воротилась; неизвѣстно, что произошло при второмъ свиданіи ихъ и удалось ли Фаретрію устрашить ее обвиненіемъ въ соучастіи въ возмущеніи противъ императора и императрицы,—извѣстно только, что она съ испугомъ оставила его и рѣшилась повиноваться. Наступила вторая половина ночи и Златоустъ уже заснулъ, когда пресвитеръ Еветій, спутникъ его отъ Кесаріи, быстро вошелъ въ его комнату и вдругъ разбудилъ его: «вставай, сказалъ онъ ему, умоляю тебя, вставай,—здѣсь исавряне». Не успѣлъ Златоустъ опомниться и спросить его, какъ Еветій собралъ все его вещи и увлекъ за собою; свита были уже на ногахъ, а лошаки готовы; домъ Селевкіи находился въ ужасномъ смятеніи, говорили объ однихъ только исаврянахъ,—одни вооружались, другіе убѣгали. Стража была предоставлена самой себѣ и едва могла достать себѣ проводника. Ночь была безлунная и было такъ темно, что въ двухъ шагахъ ничего нельзя было видѣть. Златоустъ вслѣлъ зажечь факелы, но Еветій поспѣшно затушилъ ихъ, говоря, что они послужили бы маякомъ для разбойниковъ. Подъ вліяніемъ страха, проводникъ повелъ ихъ проселочною дорогою, неровною тропинкой изсѣченною въ скалы и усѣянною катящимися камнями, по которой можно было подвигаться только ощупью. Лошакъ съ посылками оборвался и упалъ на колѣна; толчокъ выбросилъ Златоуста на край дороги, такъ что онъ лишился чувствъ. Еветій, прыгнувъ съ своей лошади, поднялъ его и счелъ мертвымъ. Наконецъ Златоустъ очнулся, и поддерживаемый пресвитеромъ попытался идти или, по его словамъ, «ползти», такъ какъ оба они не знали куда ступить, и не видали куда

идти. Златоустъ въ уныніи хотѣлъ возвратиться въ городъ, гдѣ имъ, по его словамъ, не пришлось бы переносить такихъ страданій и гдѣ нечего было опасаться исаврянъ; но его успокоили и убѣдили сѣсть въ свои носилки. Исавряне не показывались, и отрядъ продолжалъ свой путь чрезъ обрывистыя покатости, пропасти и потоки, безъ сомнѣнія опасный, но безъ особенныхъ приключеній. Такъ дошолъ Златоустъ до Кукуза чрезъ семьдесятъ дней послѣ выхода изъ Константинополя. Фаретрій могъ торжествовать. Ему можно было довести двору, что святые монахи кесарійскихъ обителей, не снося одного вида врага императрицы, выгнали изгнанника изъ своего города среди ночи. Онъ падѣлся, что скоро можно будетъ прибавить, что Божія десница, для полного наказанія его преступленій, отдала Іоанна въ руки исаврянъ, которые убили его, или увели плѣнникомъ въ свои горы. А императрица, безъ сомнѣнія, вознаградила бы услуги епископа, постаравшагося избавить ее даже отъ тѣни ея врага.

Воспоминаніе объ этой ужасной ночи навсегда осталось въ воображеніи Златоуста. Онъ не любилъ говорить объ этомъ и, когда бывалъ къ тому вынуждаемъ, говорилъ осторожно, что обнаруживало оставшійся еще страхъ. Онъ отправилъ дружескій рассказъ объ этомъ Олимпіадѣ (этимъ-то рассказомъ и мы пользуемся); но въ то же время совѣтовалъ своей діакониссѣ молчать объ этомъ, хотя весь городъ могъ узнать о томъ отъ стражи, подвергавшейся такимъ же опасностямъ. «Пусть гѣ дѣлаютъ, что хотятъ, прибавлялъ онъ,—это ихъ дѣло; я желаю только, чтобы не слышали этого отъ тебя или отъ тѣхъ, кому ты скажешь». Причиною такого требованія онъ выставляетъ гуманное чувство: кесарійское духовенство принимало его вообще съ любовью, а такъ какъ многіе изъ этого духовенства находятся въ Константинополѣ, то неспра-

ведливо подвергать ихъ (что можетъ выйти) нѣкоторой отвѣтственности въ поступкѣ ихъ епископа. Онъ доходилъ даже до отрицанія справедливаго негодованія, котораго заслуживало поведеніе послѣдняго, извиняя его слабостію характера и завистью, которую могъ возбудить въ немъ благосклонный пріемъ жителей Кесаріи и мѣстнаго духовенства, оказанный изгнаннику. Впрочемъ, въ письмѣ къ Олимпіадѣ у него вырвалось одно рѣзкое слово: «я въ Кукузѣ, пишетъ онъ, хорошо припѣтый всѣми, въ безопасности; не бойся за меня исаврянъ, которыхъ зима загнала въ горы; я же не страшусь никого кромѣ епископовъ».

VIII. Въ то время, когда истинный пастырь константинопольской церкви, законный архіепископъ въ глазахъ всѣхъ истинно вѣрующихъ, достигъ послѣ столькихъ приключеній мѣста своей ссылки, ложный пастырь — Арзакъ расточалъ противъ вѣрныхъ всѣ мѣры церковной и гражданской строгости. Не смотря на ожесточеніе и свирѣпость Оптата, разслѣдованіе о поварѣ кончилось ничѣмъ, такъ какъ не могли добиться признанія. Аркадій, утомившись безплодными жестокостями, склонился наконецъ къ милости: чрезъ два мѣсяца послѣ начала слѣдствій, 29 авг. 404 г., изданъ былъ указъ, открывавшій темницы для заключенныхъ по этому дѣлу. Впрочемъ всѣ освобождаемые епископы, клирики, монахи и свѣтскіе люди получали свободу съ условіемъ — оставить столицу и жить гдѣ либо частными людьми. Такъ было поступлено съ епископами Элизіемъ и Киріакомъ и другими спутниками Златоуста, арестованными на дорогѣ въ Никею; для нихъ свобода была, такимъ образомъ, изгнаніемъ. При томъ радость іоаннитовъ была кратковременна: 11-го сентября изданъ былъ другой указъ, открывавшій противъ схизматиковъ опять жестокое и несправедливое преслѣдованіе. Нужно замѣтить, что со времени христіанскихъ императоровъ въ рим-

ское право вошли два религіозныя преступленія—схизма и ересь: схизмой называлось отдѣленіе отъ господствующей церкви, признаваемой императоромъ, а ересью—принятіе другаго символа, отличнаго отъ исповѣданія императора, что впрочемъ не мѣшало этимъ словамъ принимать самыя разнообразныя толкованія. Въ настоящемъ случаѣ схизматики въ глазахъ закона не были схизматиками въ глазахъ церкви, но крайней мѣрѣ того меньшинства, которое защищало іерархическое право и дисциплинарныя правила и находило себѣ опору въ римской церкви и у большинства западныхъ епископовъ. Для приверженцевъ Златоуста схизмой была церковь Арзака, партія Арзака видѣла схизму въ іоаннитахъ и ихъ собраніяхъ; но противъ іоаннитовъ былъ императоръ, а съ нимъ и законъ, встѣдствіе чего партія Арзака и объявила ихъ схизматиками, указомъ 11 сентября 404 г. По свидѣтельству исторіи, самъ Арзакъ, видя свои храмы пустыми и замѣчая стремленіе вѣрующихъ въ столицѣ устраивать свои отдѣльныя собранія, предложилъ императору прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. Начались опять преслѣдованія іоаннитовъ въ лѣсахъ, горахъ и окрестностяхъ Константинополя: собранія были разгоняемы камнями и палками, неприкосновенность частныхъ жилищъ была нарушаема для открытія подозрѣваемыхъ; за этимъ слѣдовали требованія на судъ, заточеніе и допросы. Нужно замѣтить, что іоаннитовъ особенно отвращало отъ церкви, называемой ими схизмою, то обстоятельство, что ихъ заставляли въ храмахъ анаѳематствовать Златоуста: подобной тиранніи они предпочитали темницу и пытки. Противъ іоаннитовъ были употребляемы и другія мѣры: ихъ облагали разорительными штрафами, доходили до взысканія ихъ съ корпорацій, если членъ ихъ захватывался въ запрещенныхъ собраніяхъ, съ господъ, когда ихъ служители были виновны въ томъ, стараясь такимъ образомъ наложить на

нихъ наблюденіе за исполненіемъ закона. Всѣ эти несправедливости и жестокости, совершаемыя по внушенію Арзака, достаточно оправдывали Златоуста, когда онъ писалъ, что управленіе церкви ввѣрено волку, а не пастырю, пирату, а не боричему, а спасеніе душъ поручено заботамъ не врача, а палача. Впрочемъ преслѣдованія съ такою силою продолжались не долго, по крайней мѣрѣ Арзакъ сталъ менѣе и менѣе принимать въ нихъ прямое участіе. Собственно говоря, онъ не рождалъ былъ гонителемъ: въ немъ не было ни дѣятельности, ни страстей Ирода или Нерона;—это просто былъ честолюбецъ, немного беззащитный, желавшій, послѣ сдѣланныхъ императрицѣй услугъ за свое епископство, отдыха и покоя. Акакій, Антіохъ, Северіанъ и другіе враги Златоуста имѣли право укорять его въ томъ; онъ позволялъ имъ говорить и не дѣлалъ ничего. Нѣкоторые церковные писатели даже хвалятъ его кротость, какъ будто можно назвать именемъ этой добродѣтели эгоистическую слабость и апатію. А между тѣмъ въ головѣ Антіоха и его друзей слагался планъ подчинить собѣ всѣхъ восточныхъ епископовъ посредствомъ триумvirата патріарховъ Александріи, Антіохіи и Константинополя, которому дана бы была отъ императора власть надъ всѣми остальными церквами, и Аркадій согласенъ былъ на это. Исполненіе такого плана, охватывавшаго іоаннитовъ всѣхъ провинцій, было, по ихъ словамъ, самымъ вѣрнымъ средствомъ къ истребленію схизмы. Но они сами отложили до болѣе удобнаго времени этотъ планъ при слабости Арзака. Такимъ образомъ Арзакъ подвергся двойному нападенію и со стороны іоаннитовъ, и со стороны анти-іоаннитовъ: первые говорили, что онъ имѣетъ подобіе рыбы и краснорѣчіе черпахи, а вторые злобно называли его старымъ изгнившимъ стволомъ и бревномъ.

Впрочемъ, при Арзакѣ случилось важное происшествіе: въ началѣ октября умерла императрица, чрезъ три съ поло-

виною мѣсяца послѣ изгнанія Златоуста; она умерла въ невыразимыхъ мукахъ родовъ мертвaго ребенка. Говорили, что дитя уже три дня было мертво въ утробѣ и подверглось гниенію и что никакое человѣческое искусство не могло освободить отъ него мати; тогда она съ отчаяніемъ обратилась къ волшебнику, который магическими средствами принудилъ выйти дитя, но за то мать умерла тотчасъ же. Четыре мѣсяца раньше, это происшествіе возмущало бы всю имперію и измѣнилъ бы дѣла восточной церкви; но въ настоящее время, когда дѣло уже совершилось, Златоустъ былъ въ изгнаніи, а его враги занимали высокое положеіе въ церкви,—общее впечатлѣніе было мало чувствительно. Придворные епископы сожалѣли объ Евдоксѣ, но оплакивалъ ее одинъ только сурпуть; слабый Архадій, привыкнувъ къ ея вліянію, не могъ свыкнуться съ мыслью о своей свободѣ, но скоро нашлись около него люди, замѣнявшие Евдоксію. Что касается іоаннитовъ, то они видѣли въ этой неожиданной смерти судъ Божій. Странное стеченіе другихъ обстоятельствъ, повидимому связанныхъ съ этимъ общимъ интересомъ, облекало все происходившее покровомъ фатализма или божественнаго правосудія. Многіе изъ гонителей и судей Златоуста, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, были поражены смертью или страшными болѣзнями. Іоанниты любили перечислять эти факты, какъ доказательство сляготы своего дѣла, и ихъ слушали не безъ тайнаго трепета. Паллади подробно перечисляетъ ихъ въ своихъ *Диалогахъ*, а церковная исторія рѣшается признати въ нихъ сверхъестественный характеръ. Такъ одинъ изъ епископовъ, неумолимымъ судья изгнанника на константинопольскомъ соборѣ, убитъ упавъ съ лошади; другой занемогъ гнилою водяною болѣзнію и являлся исгоченъ червями, тростинъ заболѣлъ изъ опасной рожи и испустить духъ въ страшныхъ страданіяхъ, у четвертаго, обвинителя и клеветника

Златоуста, распухъ языкъ таѣ, что онъ не могъ дышать, и онъ предъ смертію письменно заявилъ, что онъ страдаетъ за свое преступленіе. Было еще нѣсколько случаевъ подобнаго рода. Самымъ важнымъ была смерть Кирипа халкидонскаго. Этотъ епископъ, какъ мы видѣли, явился ожесточеннымъ врагомъ Златоуста еще до начала преслѣдованія; будучи египтяниномъ и креатурой Θεοφιλα, онъ раздѣлялъ все мысли александрійскаго патріарха. Въ одномъ изъ собраній предъ первымъ соборомъ онъ въ сильномъ волненіи и раздраженіи спорилъ съ Марутой, епископомъ мессопотамскимъ, который нечаянно наступилъ ему на ногу и сильно ранилъ ее. Не смотря на лекарства, рана на ногѣ не заживала у него, что впрочемъ не помѣшало ему дѣйствовать противъ Златоуста на константинопольскомъ соборѣ и быть въ числѣ епископовъ, принявшихъ предъ императоромъ на себя отвѣтственность въ его изложеніи. Послѣ собора Кирипъ почувствовалъ себя гораздо хуже: появившаяся на ногѣ гангрена заставила отрѣзать сначала стопу, потомъ ногу одну и другую, а затѣмъ болѣзнь перешла внутрь, и Кирипъ умеръ въ невыразимыхъ мукахъ. «Вотъ, замѣчали іоанниты и нѣкоторые другіе, и отвѣтственность, которую принялъ на себя Кирипъ».

Императоръ, не менѣе другихъ, тревожился подобными сближеніями, а естественныя бѣдствія, обрушившіяся въ это время надъ столицей, начинали пугать его. Въ городѣ не однократно случались столь сильныя землетрясенія, что историкъ отыскали ихъ въ своихъ хроникахъ; въ тоже время были сильныя бури, раздавались громовые удары и огромный градъ опустошалъ поля на нѣсколько миль вокругъ. Императоръ убѣждался, что небесный гнѣвъ разражается надъ нимъ и его подданными, и обратился къ павлетному своему свято-етію синайскому пустыннику съ мольбою о ходатайствѣ предъ Богомъ; пустынникъ этотъ былъ Нилъ, признаваемый церковію

святымъ. Нилъ не всегда былъ бѣднымъ монахомъ-пустынникомъ. Было время, когда онъ блисталъ при дворѣ Θεодосіа В. своимъ богатствомъ, изяществомъ, красотою и честнымъ умомъ, за который называли его мудрымъ. Θεодосій оцѣнялъ эти качества и поручалъ ему важныя мѣста, сдѣлавъ его между прочимъ префектомъ восточной преторіи. Нилъ былъ женатъ на любимой имъ женщинѣ и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей; но однажды утромъ этотъ человекъ, которому такъ улыбалось счастье, оставилъ все и распроцался съ женою, взявъ съ собою одного сына. Куда же пошелъ онъ? Онъ шелъ искать духовнаго мира, котораго никогда не давалъ ему міръ, и рѣшился посвятить своего сына Богу на какой либо пустынной горѣ, какъ сдѣлалъ это Авраамъ на Моріа; но онъ ожидалъ указанія свыше на это мѣсто. Пустыни Египта и Сиріи не понравились ему,—въ нихъ было очень много монаховъ и не далеко отъ нихъ были города; онъ остановился въ великой аравійской пустынѣ на одной изъ покатостей Синая. Здѣсь онъ нашелъ нѣсколькихъ апохоретовъ, жившихъ отдѣльно въ пещерахъ; онъ собралъ ихъ, привлекъ сюда другихъ и на оставшіяся у него деньги основалъ церковь и монастырь въ мѣстности, называемой *купиною*, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ, по преданію, Богъ явился Моисею въ образѣ горящей купины. Монахи выбрали Нила своимъ настоятелемъ. Въ этомъ новомъ званіи бывшій префектъ преторіи отличился строгими добродѣтелями, образованностію и глубокимъ знаніемъ св. Писанія, такъ что вскорѣ сталъ оракуломъ монаховъ своего времени. Говорили, что Богъ даровалъ ему даръ пророчества и даръ чудесъ и никогда не отказывалъ его молитвамъ. Аркадій, знавшій его при дворѣ своего отца, съ увѣренностію обратился къ нему, моля отворить глѣвъ Божій отъ столицы и отъ него; но Нилъ отказался молиться объ этомъ. «Какъ хочешь ты, отвѣчалъ онъ ему съ святымъ

дерзновеніемъ, чтобы я осмѣлился молиться за городъ, заслужившій Божию кару столькими преступленіями, за тотъ городъ, гдѣ преступленіе опирается на силу закона, за городъ, изгнавшій блаженнаго Іоанна—опору церкви, свѣтило истинны и глаголь Божій? Ты просишь, чтобы я молился за этотъ городъ; но я самъ удрученъ печалью отъ совершеннаго имъ зла». Въ другомъ письмѣ онъ писалъ: «ты изгналъ Іоанна, величайшее свѣтило, безъ всякой причины, уступая злымъ совѣтамъ нѣсколькихъ епископовъ, нечистыхъ сердцемъ. Подумай о себѣ самомъ и, лишивъ церковь чистыхъ и святыхъ наставленій, сознай по крайней мѣрѣ свою ошибку и раскайся». Но Аркадій не раскаялся. Бѣдствія прошли, и императоръ съ обычной беззаботностію занялся текущими дѣлами, находя болѣе для себя пріятными совѣты своихъ льстецовъ, чѣмъ строгія рѣчи съ Синая. Преслѣдованія прекратились; но духъ преслѣдованія, ревнивыя и гнѣбныя страсти продолжались и постоянно держали императора на томъ пути, на который онъ его поставили.

Между тѣмъ 1-го ноября 405 г. умеръ Арзакъ, на шестнадцатомъ мѣсяцѣ своего епископства и на восемьдесятъ второмъ году своего возраста. О немъ не жалѣли: сначала преслѣдованія, а потомъ бездѣятельность не вызывали слезъ ни у вѣрныхъ, ни у схизматиковъ. Сужденіе о немъ современниковъ сохранилось въ путочной надгробной рѣчи, переданной потомству позднѣйшимъ писателемъ. «Арзакъ, говорили тамъ, умеръ, проживъ шестнадцать мѣсяцевъ на епископской кафедрѣ, и не заявивъ ничѣмъ живымъ этой жизни; трусливый и апатичный, онъ далю уже умеръ до своей смерти. О, стыдъ! какой наслѣдникъ и кого? Старый пенъ, прихотью императора поставленный на мѣсто крѣпкаго и цвѣтущаго дерева, старецъ болѣе приличный для могилы, чѣмъ для кафедры, глупецъ, нелѣпый въ словахъ и бессмысленный въ разсужденіяхъ,

скорѣе похожій на камень и чурбанъ, чѣмъ на живое существо, онъ былъ безплоденъ для себя и другихъ и недостоинъ сожалѣній. Таковъ былъ Арзакъ, и такимъ онъ умеръ». Неизвѣстно, кого предложили на избраніе народу и клиру— Северіана или кого другого изъ преслѣдователей Златоуста; исторія говоритъ намъ только о томъ, что соискателей было много, и борьба столь сильна, что мѣсто оставалось вакантнымъ четыре мѣсяца. Наконецъ выборъ палъ на одного столичнаго пресвитера не безупречнаго тоже, такъ какъ онъ содѣйствовалъ осужденію Златоуста; но нужно замѣтить, что въ послѣднихъ волненіяхъ было замѣнено столько клириковъ и страсти до того были разволнованы, что трудно было ожидать назначенія на это мѣсто іоаннита, или вообще подозрѣваемаго въ сочувствіи Златоусту. Вновь избранный былъ Аттікъ, армянинъ изъ Севасты, гдѣ его молодость прошла среди монаховъ-македоніанъ, державшихъ тамъ, по выраженію церковнаго писателя, «лавочку своей философіи». Возмужавъ, онъ отправился въ Константинополь и скоро обратился въ православіе, болѣе изъ благоразумія, чѣмъ по убѣжденію, по словамъ того же историка; скоро онъ поступилъ въ клиръ, и тогдашній архіепископъ принялъ его въ свою церковь. Молодой послѣдователь Македонія, бросивъ тонкія ученія своего монастыря о природѣ Св. Духа, презиралъ свѣтскія науки до того, что надъ нимъ стали смѣяться въ ученой церкви Назіанзиновъ и Златоустовъ, гдѣ Демосѳенъ и Исократъ не были вытѣсняемы псалмами Давида и посланіями ап. Павла. Сотоварищи называли Аттіка невѣждой. Къ тому же у него былъ ужасный армянскій выговоръ, портившій въ его устахъ самое краснорѣчіе. Эти недостатки до того печалили его, что онъ не осмѣливался импровизировать и заучивалъ свои проповѣди, которыя и не могли быть записаны скорописцами, хотя заключали въ себѣ много хорошаго.

Но онъ, обладая твердой волей, рѣшился исправиться и въ свою очередь посмѣяться надъ своими критиками. Онъ принялся, въ полномъ уединеніи отъ всѣхъ, день и ночь изучать великіе образцы сллинской литературы и усиленно исправлять свой армянскій выговоръ, непріятный для грековъ; послѣ этого, онъ однажды явился предъ своими сотоварищами разсуждающимъ о Платонѣ и Аристотелѣ лучше ихъ и съ почти-афинскимъ выговоромъ. Тогда всѣ преклонились предъ этой желѣзной волей, и Аттѣкъ сталъ пользоваться большими уваженіемъ, впрочемъ гораздо болѣе за свое поведеніе, чѣмъ за свое знаніе. Не слишкомъ выдаваясь впередъ, онъ участвовалъ въ послѣднихъ интригахъ противъ Златоуста, и вѣроятно этому обстоятельству онъ одолженъ былъ поддержкой со стороны придворныхъ епископовъ въ настоящее время. Избранный въ концѣ февраля 406 г., онъ былъ возведенъ на кафедру въ церкви апостоловъ, ставшей теперь главной, пока храмъ св. Софіи мало по малу поднимался изъ развалинъ. Теперь, при такомъ человѣкѣ партіи сикофантовъ показалось удобнымъ выдвинуть и осуществить наконецъ тотъ планъ порабощенія восточныхъ церквей, который задерживался слабостію Арзака. Здѣсь мѣсто сказать о томъ, каковъ былъ этотъ планъ, и какія скорби исполненіе его готовило для вѣрныхъ христіанъ въ провинціяхъ.

Образовавшіяся, какъ мы видѣли, въ церкви константинопольской партіи, послѣ вторичнаго осужденія Златоуста, появились и въ сосѣднихъ епархіяхъ, а потомъ и во всѣхъ провинціяхъ, такъ что въ каждой церкви была своя партія іоаннитовъ, поддерживавшая сношенія съ изгнаннымъ архіепископомъ, и своя партія анти-іоаннитовъ, имѣвшая общеніе съ новымъ архіепископомъ. Обѣ партіи, какъ и въ столицѣ, были во взаимной борьбѣ, еще болѣе оживлявшейся отъ восточнаго характера. Особенно въ Сиріи, родинѣ великаго

человѣка, извѣстнаго всему міру своими талантами и несчастьями, дѣло Іоанна имѣло горячихъ приверженцевъ между епископами и клиромъ, а особенно въ массѣ народа. А потому преслѣдователи Златоуста не безъ основанія говорили, что, истребивъ схизму, по ихъ словамъ, въ Константинополѣ и оставивъ ее въ провинціяхъ, они одержали только половину побѣды,—и они избрѣли слѣдующее средство для истребленія ея по всей имперіи. Они предложили императору учредить въ трехъ главныхъ восточныхъ патріархатахъ три центра религіознаго общенія, съ которыми должны согласоваться всѣ окрестные епископы, подъ страхомъ низложенія и изгнанія въ случаѣ нужды; эти три патріарха облагались правомъ назначать по своему усмотрѣнію другихъ на мѣста упорствующихъ епископовъ; сверхъ того ихъ права простирались на назначеніе городского духовенства, всякое сопротивленіе коему вело за собою церковное отлученіе и гражданскія наказанія. Словомъ, это была ужасная тиранія надъ всѣми церквами, уничтожавшая ихъ избирательныя права и попиравшая ихъ свободу и достоинство. Вся имперія была раздѣлена по этимъ центрамъ: патріархъ александрійскій завѣдывалъ Египтомъ и, вѣроятно, Палестиной; патріархъ антїохійскій—Сиріей, Аравіей и большею частью Малой Азіи; остальные церкви подчинялись патріарху константинопольскому. Слабаго Аркадія принудили утвердить подобное нарушеніе церковныхъ правъ, и онъ призналъ этотъ церковный триумvirатъ указомъ 18 ноября 404 г., еще при жизни Арзака. Указъ, этотъ любопытный и показываетъ, въ какомъ отношеніи находились въ это время между собою церковь и государство. По свидѣтельству историковъ, онъ состоялъ изъ двухъ частей, изъ коихъ одна касалась собраній вѣрующихъ внѣ церкви и храмовъ, другая занималась опредѣленіемъ наказаній для отдѣляющихся епископовъ. Въ первой говорилось:

«да будетъ извѣстно правителямъ провинцій, что они должны препятствовать противозаконнымъ собраніямъ тѣхъ, кои, пресирая святыя храмы, пытаются собираться въ другихъ мѣстахъ, а также и то, что уклоняющіеся отъ общенія съ Арзакомъ, Теофиломъ и Порфиріемъ, благочестивѣйшими первосвященниками святой вѣры, должны считаться внѣ церкви, какъ схизматики. Дать въ Константинополь въ четырнадцатое число декабрьскихъ календъ, при консульствѣ Гонорія Августа и Аристенета». Во второй части, не сохранившейся въ кодексѣ, но приводимой современными писателями, говорилось: «если кто изъ епископовъ уклонится отъ общенія съ Теофиломъ, Арзакомъ и Порфиріемъ, то да будетъ онъ низверженъ съ своей кathedры, а его имущество, движимое и недвижимое, конфисковано.

Такіе стѣснительные законы почти не имѣли приложенія при слабомъ Арзакѣ; но они получили полную силу при Аттікѣ, принявшемся исполнять ихъ со всею строгостію своего упрямаго и холоднаго характера, и при новомъ антиохійскомъ патріархѣ Порфиріѣ, употреблявшемъ при этомъ насилія, покрывшія его имя вѣчнымъ стыдомъ. При изученіи исторіи религіозныхъ раздоровъ часто бываетъ трудно признавать достовѣрнымъ свидѣтельство о людяхъ, дѣлаемое писателями противной партіи; но судъ, произносимый надъ Порфиріемъ всѣми современными церковными писателями, повидимому такъ подтверждается его поведеніемъ въ описываемыхъ событіяхъ, что мы не рискуемъ клеветать на него, повторяя отзывы о немъ современниковъ. Порфирій съ самаго дѣтства велъ жизнь мало сообразную съ избираемымъ имъ званіемъ, и его злыя страсти съ возрастомъ развивались болѣе и болѣе: будучи развратнымъ человѣкомъ, гоняющимся за пустяками и зрѣлищами, поклонникомъ мимовъ и другихъ ихъ, что считалось безчестіемъ даже для мірянина, онъ кромѣ

того занимался тайными науками и слылъ чародѣемъ. Не смотря на такія качества, онъ успѣлъ достигнуть священства своими интригами и пропсками, такъ какъ онъ обладалъ гибкостью, вкрадчивостію, умѣлъ льстить сильнымъ и скрывать подъ веселымъ видомъ завистливую ненависть своей души. Въ описываемое время Порфирій былъ уже старъ. Въ подобномъ пресвитерѣ, только терпимомъ, трудно было подозрѣвать стремленіе въ епископству; а между тѣмъ въ немъ было это стремленіе, и онъ, зная хорошо, что онъ только случайно можетъ добиться епископства, заботливо выжидать такого случая. Съ самаго начала несогласій между Златоустомъ и соборами онъ явился врагомъ Златоуста и отличался предъ всѣми яростію своихъ нападеній, стараясь этимъ выйти изъ неизвѣстности. Между тѣмъ, во времени второго изгнанія Златоуста, умеръ послѣ долгой болѣзни престарѣлый антиохійскій патріархъ Флавіанъ; іоанниты потеряли въ немъ сильную для себя опору, и при избраніи преемника ему должна была возгорѣться сильная борьба. Северіанъ габальскій и два неразлучные его спутника—Акакій и Антиохъ, отправившись изъ Константинополя подъ предлогомъ возвращенія въ свои епархіи, тайно прибыли въ Антихію и сами наблюдали надъ происходившимъ тамъ, съ намѣреніемъ вмѣшаться въ случай нужды; они имѣли полномочіе отъ двора дѣйствовать въ извѣстномъ смѣслѣ, опираясь на содѣйствіе гражданской и военной власти. Время избранія наступило, и соискатели явились въ большомъ числѣ: духовенство раздѣлилось на двѣ партіи, но народъ стоялъ массою на сторонѣ пресвитера Констанція—друга Златоуста, о которомъ мы говорили по поводу миссій въ Финикію, пріобрѣтшаго народную симпатію сколько личными качествами, столько и вѣрностію изгнанику. Порфирій оставался челоѣкомъ своей партіи, настаивалъ на отверженіи всѣхъ іоаннитовъ, и съ

помощію значительныхъ денежныхъ раздачъ черни и низшему духовенству добился своей кандидатуры. Сначала ее и не приняли за серьезное дѣло, столь недостойнымъ казался онъ; но Северіанъ съ своими спутниками, убѣдившись въ его ловкости, тайно переговорили съ нимъ, и ихъ содѣйствіе дало кандидатурѣ Порфірія недостававшую ему прочность. На этихъ переговорахъ было признано, что успѣть въ предпріятіи можно только нечаянностію; распределены были роли, придворные епископы предупредили начальника военной силы, и рѣшено было держаться на сторожѣ, выжидая удобнаго случая.

Черезъ нѣсколько дней въ мѣстечкѣ Дафнѣ, увеселительномъ мѣстѣ Антіохіи, должно было праздноваться великое представленіе такъ называемыхъ олимпійскихъ игръ, гдѣ взору зрителей представлялась жизнь и подвиги Геракла съ ристалищемъ и кулачнымъ боемъ. При извѣстной страсти антіохійцевъ къ сценическимъ играмъ, бѣгу колесницъ и борьбѣ атлетовъ, Порфірій хорошо зналъ, что самое важное дѣло не заставить ихъ подняться со скамей. цирна или ступеней амфитеатра, какъ скоро они уѣхали тамъ. И вотъ, въ то время какъ жители оставили городъ и пошли въ Дафнѣ, онъ собралъ съ своей стороны нѣсколько сотенъ народа, нѣсколькихъ клириковъ и отправился съ ними въ церковь, гдѣ поджидали его три епископа. Когда онъ прибылъ, заперли церковь, и посвященіе его во епископа было совершено, съ такою впрочемъ поспѣшностію, что не окончены были всѣ молитвы,—до того страшились возвращенія народа или другой нечаянности. Послѣ этого Северіанъ и его друзья оставили храмъ и городъ и отправились въ свои синагоги, потому что они опасались гнѣва антіохійцевъ, когда откроется обманъ. Вечеромъ жители Антіохіи, возвратившись съ торжества, съ удивленіемъ узнали, что они уже имѣютъ епископа и что

этотъ епископъ—Порфирій; эта новость не понравилась имъ, но, не зная еще на что рѣшиться, они провели всю ночь въ совѣщаніяхъ. Утромъ на другой день они рѣшились и разъяренной толпой направились къ епископскому дворцу, гдѣ укрѣпился Порфирій въ намѣреніи защищаться съ помощію своихъ клириковъ и служителей. Началась осада: народъ набрасалъ къ дворцу соломы и дровъ съ намѣреніемъ сжечь епископа съ дворцомъ, но предъувѣдомленное войско явилось во время и силою очистило площадь; схватки продолжались и въ слѣдующіе дни, но войско одолѣло, и Порфирій былъ утвержденъ на патріаршемъ престолѣ вооруженною силою. Сообразно съ внушеніями двора, правитель провинціи приказалъ клиру и народу ходить въ церковь подѣ угрозой наказаній, означенныхъ въ императорскомъ указѣ, но народъ большею частію отказывался и пытался устраивать литаніи на улицахъ, нося предъ собою крестъ; правитель приказалъ смотрѣть на эти литаніи какъ на возмутительныя сходки, и въ послѣдовавшей схваткѣ крестъ былъ вырванъ и попираемъ лошадьми военнаго отряда, разгонявшаго толпу народа. Недовольные устремились изъ Антиохіи въ окрестныя деревни, но ихъ преслѣдовали и тамъ; сцены насилій, покрывшихъ безчестіемъ и кровію Константинополь и его окрестности, повторялись и въ столицѣ Сиріи. Опираясь на гражданскую власть и военную силу, новый патріархъ притѣснялъ не только духовенство своей церкви, но и сосѣднія церкви. Во всей провинціи произошолъ переворотъ: онъ возбудилъ повсюду интриги, изгонялъ епископовъ или самъ низлагалъ ихъ, для того чтобы опять назначить; появились соблазны, далеко превосходившіе тѣ, которые исправлялъ Златоустъ въ Малой Азіи. Званіе епископа сдѣлалось продажнымъ, его спрашивали и предлагали, имъ торговали, какъ продажною вещью на публичномъ рынкѣ, и самый недостойнѣйшій всегда оказывался

подъ покровительствомъ Порфирія; воровство, расхищеніе церковныхъ имуществъ и чудовищныя уклоненія отъ каноновъ явились результатомъ подобнаго обращенія съ епископскимъ достоинствомъ и благомъ церквей. Назначали и посвящали людей вовсе неизвѣстныхъ никому и ничѣмъ, а иногда даже забывали, кого посвящали; всѣ церковныя правила были ниспровергнуты; для избранія недостойныхъ епископовъ старались подкупить свѣтскихъ и духовныхъ избирателей, пуская въ ходъ самыя низкія средства, устраивая пиршества для всего народа и раздавая деньги. «Въ прежнее время, съ горечью замѣчаетъ современный писатель, апостолы приготовлялись къ святому дѣлу избранія епископа молитвою и постомъ; нынѣ же готовятся къ этому пьянствомъ и развратомъ, а церкви стали ярмарками, гдѣ каждый кандидатъ на епископство и пресвитерство хвастаетъ своими обѣщаніями и подарками». Другой писатель прибавляетъ, что онъ не дерзаетъ говорить, сколько епископовъ было низложено, сколько поставлено на ихъ мѣста и сколько церквей разорено развратителями: «это слишкомъ мрачныя дѣла, замѣчаетъ онъ, чтобы вписывать ихъ въ исторію». Но исторія принуждена была упомянуть объ одномъ дѣлѣ,—до того оно было скандально: епископомъ былъ назначенъ эвнухъ, бывший рабъ, а потомъ слуга одного трибуна, человѣкъ безстыдный и преступный, котораго вѣрные называли «мерзостью запустѣнія». Такого-то человѣка былъ избранъ епископомъ Ефеса на мѣсто Гераклита, бывшаго діакономъ у Златоуста. «И не постыдились, замѣчаетъ цитруемый нами писатель, возложить евангеліе на голову такого чудовища». Таково было начало патріаршества Порфирія, снискавшее ему честь быть названнымъ въ императорскомъ указѣ однимъ изъ трехъ образцовъ католической вѣры на востокѣ.

Арзакъ, имѣвшій въ качествѣ константинопольскаго патріарха первенство въ тріумvirатѣ, казалось, не возмущался такими церковными сатурналіями въ Сиріи; но Аттікъ, какъ болѣе ловкій, замѣнилъ прихотливца лонція искуснымъ, правильнымъ и систематическимъ преслѣдованіемъ,—и этому методу стали подражать во всей восточной имперіи. Сначала появился второй императорскій указъ, въ которомъ возобновлялись грозныя мѣры перваго и имя Аттика замѣнило имя Арзака; а потомъ было приступлено къ поголовному перебору епископовъ и клириковъ по епархіямъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха, въ каждой изъ размѣченныхъ территорій. Епископовъ, удиченныхъ въ принадлежности къ партіи іоаннитовъ, низлагали, изгоняли изъ церквей и предавали свѣтскому суду, какъ преступниковъ; тѣхъ же, которые только заподозривались, или тѣхъ, которые, имѣя общеніе съ патріархами тріумvirата, сохраняли свои связи и съ іоаннитами, высылали въ другія епархіи. Такъ епископовъ Сиріи, Каппадокіи и проконсульской Азіи послали на каѳедры Фракіи и Понта, а послѣднихъ на ихъ мѣста. Подобныя переселенія были прилагаемы и къ монахамъ; съ одного конца имперіи посылали пустынниковъ на другой, что для нѣкоторыхъ было смертию. Изъ низлагаемыхъ епископовъ—одни, самые опасные, были заточаемы въ темницы или поручаемы жестокому для нихъ надзору патріарховъ, ихъ враговъ; другіе подвергались конфискованію имущества и были оставляемы на произволъ судьбы. Изъ послѣднихъ одни обращались къ частной благотворительности; добродѣтельные люди одѣвали и кормили ихъ, и указываютъ на одного низложеннаго епископа, который тайно проживалъ у одного изъ своихъ собратіи и три года не выходилъ изъ своей комнаты, боясь подвергнуть отвѣтственности своего хозяина. Другіе принялись за ремесла и жили горами рукъ своихъ: епископъ Бризолъ, братъ Пал-

ладія еллінопольскаго, оброблювавъ не большое поле; епископъ троадскій купилъ лодку и занимался рыбной ловлею при берегахъ Егейскаго моря, ставъ изъ ловца людей ловцомъ рыбъ. Среди такихъ бѣдъ многіе старались бѣжать на западъ: но морской путь былъ не легокъ, и притомъ ихъ часто схватывали на дорогѣ. Такъ пресвитеръ и діаконъ, посланцы Златоустомъ изъ Кукуза съ письмомъ къ папѣ Иннокентію, долго выжидали на азійскихъ берегахъ случая сѣсть на корабль и исчезли съ письмомъ.

При такомъ всеобщемъ ужасѣ многія церкви покорились триумвирамъ, но нѣкоторыя до конца сопротивлялись, и исторія сохранила ихъ имена: таковы были церкви въ Каріи, отправившія свое исповѣданіе вѣры папѣ Иннокентію, церкви въ Палестинѣ, прогнавшія пресвитера—посланца триумвирата, церкви въ Киликіи, Пессинунтѣ фригійскомъ и многія другія. Что же касается до епископовъ и клириковъ, прибывшихъ изъ Константинополя и Греціи въ Италію, къ которымъ пытались присоединяться и азіатцы,—то они образовали въ Римѣ небольшое общество, постоянно требовавшее, во имя несчастія и права, оправданія Златоуста; и тамъ-то, какъ мы увидимъ, приготовлялся новый оборотъ этого великаго процесса, занимавшаго своею важностію не только востокъ, но и весь міръ.

Ю.

